

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА – НЕОЛИТА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ: ТРАДИЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ, АБСОЛЮТНЫЙ ВОЗРАСТ

Введение

К настоящему времени в пределах бассейнов рек Ангары, верхней Лены, низовьев Селенги, Витима и побережья оз. Байкал известно 90 местонахождений могильников и отдельных захоронений каменного века (рис. 1. 1). Многочисленные предложения схем культурно-хронологической периодизации позднего мезолита, неолита и ранней бронзы, многообразие исследовательских взглядов на происхождение, развитие, взаимодействие, взаимовлияние, трансформацию среднеголоценовых культур Байкальской Сибири свидетельствуют о чрезвычайной сложности этой проблемы (Овчинников, 1904; Городцов, 1907; Бортвин, 1915; Подгорбунский, 1916; Сосновский, 1924; Константинов, 1928; Дебец, 1930; Окладников, 1950, 1955, 1978; Герасимов, 1955; Савельев, Медведев, 1973; Мамонова, 1973; Чернецов, 1973; Свинин, 1976; Хлобыстин, 1978; Конопацкий, 1982; Георгиевская, 1989; Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989; Зубков, 2000; Вебер, Линк, 2001; Асеев, 2003). Возможно, причиной такого разнообразия концепций исследователей является специфика археологического источника, изначально заложенного в основу определения культур и культурно-хронологических этапов. Оформление большинства культурно-хронологических схем происходило на основе материалов погребальных комплексов. Наиболее фундаментальной и основательной является периодизация неолита и ранней бронзы Прибайкалья, представленная А.П. Окладниковым в 1950, 1955 гг. Выделение китойской культуры произошло в 1904 г. как необходимость разграничения неолитических и раннебронзовых могил Глазковского предместья г. Иркутска. Китойская культура определялась как неолит в целом, но выраженный только погребальными комплексами. Все последующие культурные и хронологические построения производились также на материалах могил. Как писал А.П. Окладников, «широкое использование погребальных материалов обеспечивает более гибкую, богатую деталями и совершенную типологическую классификацию» (Окладников, 1950, с. 53). Попытки А.П. Окладникова и других исследователей синхронизировать материалы могильников и поселений, выделить хиньские, исаковские, серовские, китойские и глазковские культуросодержащие слои не увенчались успехом, т.к. артефакты даже многослойных стоянок в подавляющем большинстве случаев не находят аналогий в погребальном инвентаре. Кроме того, как показывают результаты исследований последних лет, не дает ожидаемого эффекта и использование метода радиоуглеродного датирования, о чем свидетельствуют даты ^{14}C , полученные по материалам Усть-Хайты (Савельев и др., 2001). В итоге, для создания периодизации материалов стояночных комплексов исследователи стали склоняться к выделению керамических «пластов», которых на сегодняшний день насчитывается шесть: «сетчатый», хайтинский «шнуровой», «казачинский», «посольский», «пунктирно-гребенчатый», «усть-бельский» (Савельев, 1989). В могилах за небольшими исключениями доминирует один «пласт» — «сетчатый», представленный ритуальными сосудами с незаглаженными и заглаженными оттисками сетки-плетенки.

Работа выполнена при поддержке гранта — Проект РФФИ-Байкал, № 05-06-97208 «География минерального сырья и коммуникации древнего населения Байкальской Сибири» и гранта Совета по общественным наукам и гуманитарным исследованиям Канады — MCRI № 412-2005-1004 (руководитель А.В. Вебер, университет Альберта, г. Эдмонтон).

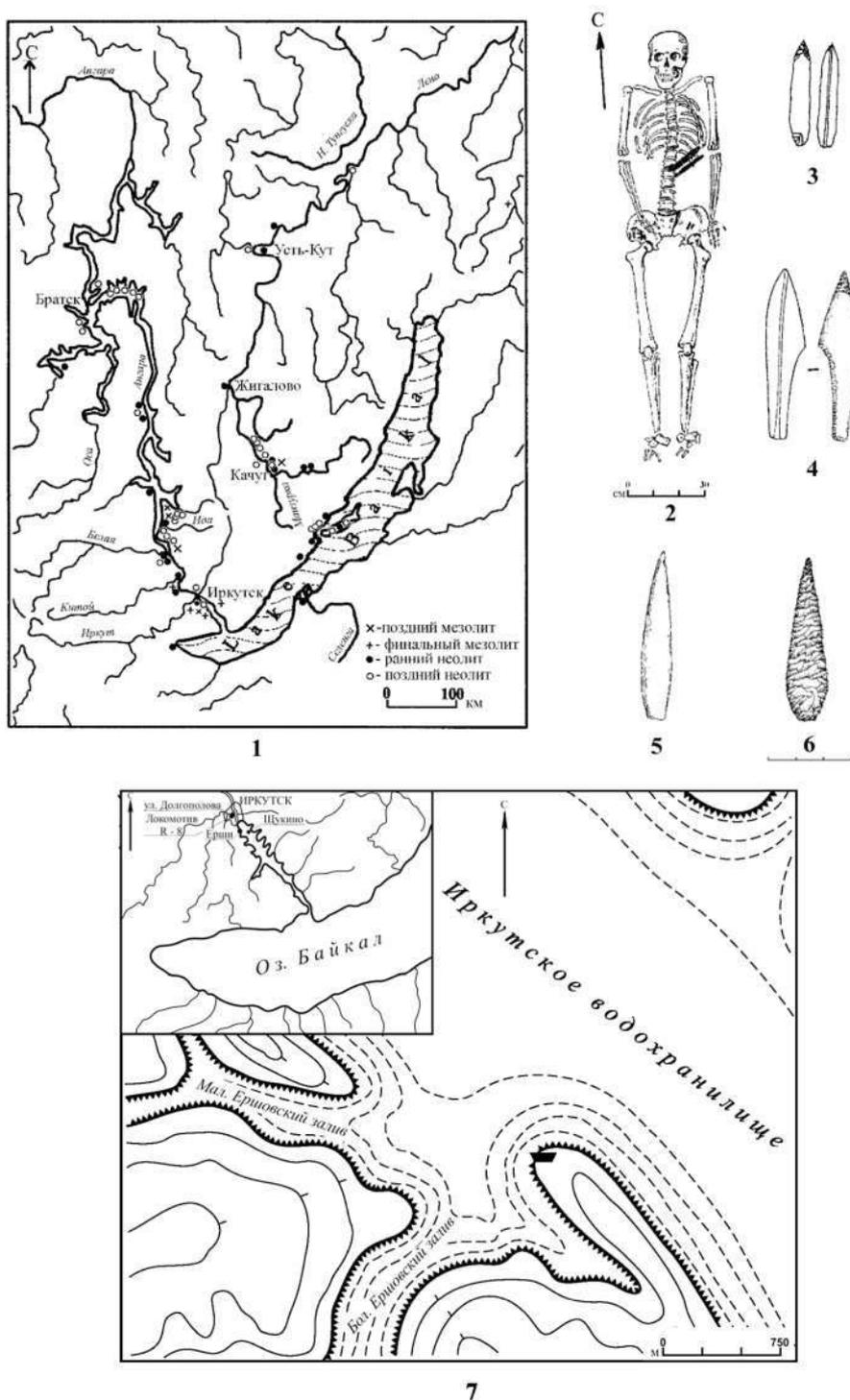

Рис. 1:

1. Карта-схема местонахождений могил мезолита – раннего неолита Байкальской Сибири.
 2. План позднемезолитического погребения из Хиньской пади.
 3. Острие на призматической пластине (Хиньская падь).
 4. Острие с выемкой на призматической пластине (Хиньская падь).
 5. Острие из кости (Хиньская падь).
 6. Бифасиально обработанное острие (наконечник дротика?) (Хиньская падь).
 7. План-схема местонахождения могильника Ерши.
- Рисунки 1–2, 3, 4, 7–9 выполнены по А.П. Окладникову, 1950, с. 161, рис. 16–4; 1975, с. 248, рис. 1, 6–8.

Fig. 1:

1. Baikal Siberia: map of disposition of Mesolithic – early Neolithic graves.
 2. Plan of late Mesolithic burial from Khin'skaya valley.
 3. Khin'skaya valley: Prismatic blade point.
 4. Khin'skaya valley: Prismatic blade notchedpoint.
 5. Khin'skaya valley: Bonepoint.
 6. Khin'skaya valley: Bifacially trimmed point (darthead ?).
 7. Plan of Yerishimortuary site.
- Fig.-s 1–2, 3, 4, 7–9 according to A.P. Okladnikov, 1950, p. 161, fig.-s 16–4; 1975, p. 248, fig.-s 1, 6–8.

Раскопки во второй половине XX в. новых могильников, крупномасштабное радиоуглеродное датирование (317 дат ^{14}C), результаты которого представлены в табл. 5, большая аналитическая работа с использованием современных методов исследований свидетельствуют о том, что такой археологический источник, как погребальные комплексы, отражает «культуру потустороннего мира» и имеет мало общего с развитием, взаимодействием, трансформацией и т.д. Как показывает датирование ^{14}C могильников Локомотив и Усть-Ида I (по костному материалу могильника Локомотив получено 112, по могильнику Усть-Ида I 38 дат ^{14}C), действовавших соответственно 1000 и 700 лет, в структуре ритуала захоронений и типологических характеристиках погребального инвентаря в течение всего периода функционирования не происходило существенных изменений.

Археологические материалы культурного слоя и синхронного ему могильника зачастую находятся в оппозиции. Разрыв в составе и структуре коллекций разительный. «Земная» и «сакральная» составляющие этих материалов отражают разные деятельностные и поведенческие стратегии. Погребальный инвентарь, в целом, носит ритуальный характер, вследствие чего эти предметы практически не идентифицируются с изделиями стояночных комплексов и в реальной жизни использовались в исключительно редких случаях. Предметы, сопровождающие покойника, должны рассматриваться не просто как внешние атрибуты, отражающие социальный статус, а как вещи, демонстрирующие связь умерших сородичей с живыми. Очень часто в составе сопроводительного инвентаря встречаются изделия на первый взгляд утилитарного назначения, которые должны были относиться к вещам личного пользования умершего в реальной жизни. Но результаты трасологического анализа показывают, что они вообще никогда не использовались. Трасологическое исследование сопроводительного инвентаря могильников Локомотив и Шаманка II выявило очень незначительное количество изделий со следами утилизации среди большого количества разнообразных вещей. Наборы погребальных предметов противоречат установке на их утилитарное истолкование и одновременно показывают обратное соотношение одних и тех же составляющих в балансах «живой» и «мёртвой» культур древности (Столяр, 2006). Многие исследователи в прошлом (и нередко в настоящем), на основании материалов погребальных комплексов производили разного рода культурные построения и воссоздавали хозяйственную деятельность древнего населения, что предопределяло сомнительные результаты этих построений и приводило к тупиковым ситуациям в дальнейших исследованиях.

Материалы так называемых «закрытых комплексов», действительно, хорошо коррелируются и дифференцируются на хронологическом и пространственном уровнях и, как отмечал А.П. Окладников, обеспечивают более гибкую типологическую классификацию, но, вместе с тем, все построения позволяют производить только внутри этого вида источников. На современном уровне исследований, в связи с тем, что решение проблем корреляции материалов могил с материалами синхронных культуросодержащих слоев поселений представляется очень затруднительным, корректнее называть сформулированные А.П. Окладниковым в 1950, 1955 гг. культуры – хиньскую, китойскую, серовскую, исаковскую, глазковскую, шиверскую и новые, выявленные в последнее время, традициями погребений. Чтобы яснее представить особенности этих традиций, необходимо более подробно остановиться на характеристике фактического материала, локализуемого в определенных хронологических нишах и в границах разных территорий.

Погребальные комплексы позднего мезолита

Проблема мезолитических погребений, несомненно, важная в археологии Байкальской Сибири, но ее решение, несмотря на развернутые в последнее время широкие археологические исследования, находится на начальной стадии накопления фактического материала.

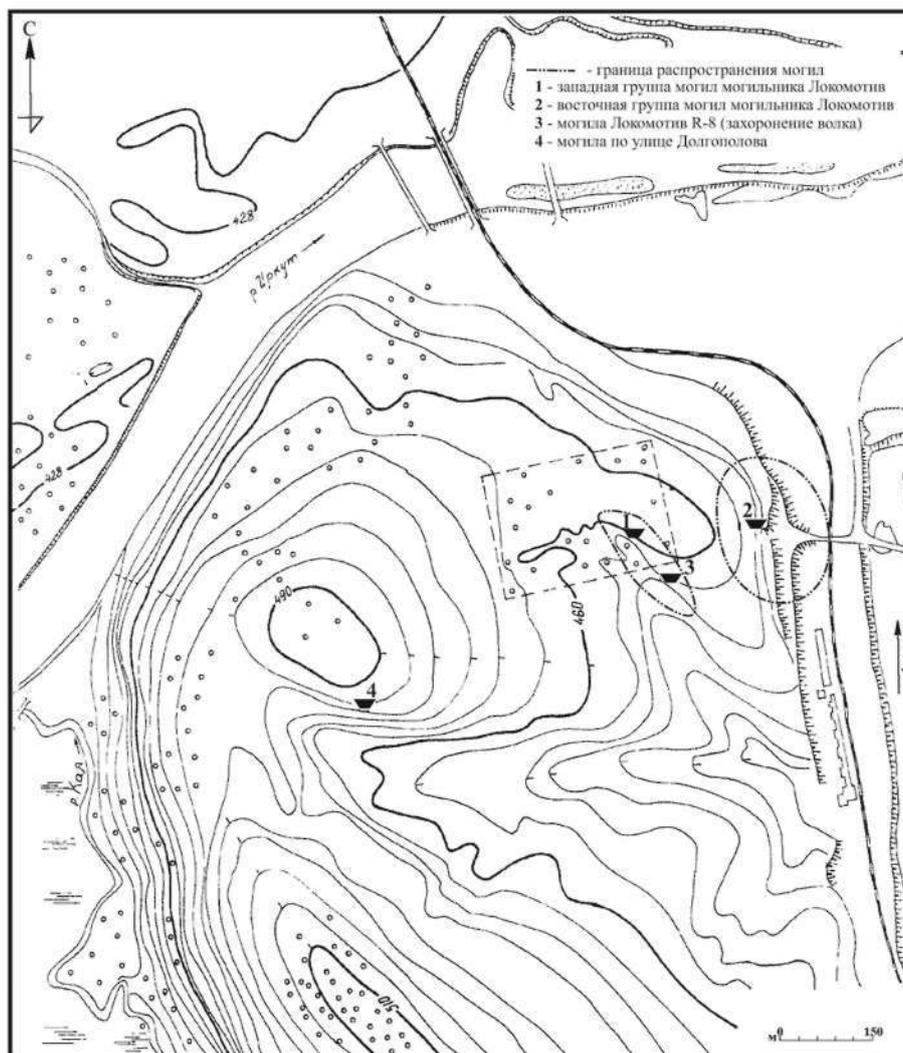

Рис. 2. Город Иркутск. Кайская гора. План расположения финально мезолитических и ранненеолитических погребальных комплексов

Fig. 2. The City of Irkutsk. Kayskaya gora. Disposition of final Mesolithic and early Neolithic mortuary complexes

Хиньская традиция погребений. В настоящее время известны 5 могил, относящихся к хиньской традиции погребений, которые входят в один структурно-геоморфологический регион – Ленско-Ангарское плато. Четыре из них исследованы в долине р. Ангары и одна – в долине р. Лены (рис. 1 – 1). Могилы в падах Хиньская, Частые и Усть-Грязная раскопаны на правом берегу р. Ангары А.П. Окладниковым в 1934 г. и Г.И. Медведевым в 1963 г. Могила Локомотив R-8 вскрыта на левом берегу р. Ангары в 1996 г. автором данной статьи. Могила, получившая наименование Рытвинка, обнаружена и раскопана М.П. Аксёновым в 1979 г. на правом берегу р. Лены, в 6 км ниже п. Качуг.

Могила в Хиньской пади (правый берег р. Ангары) располагалась на склоне второй террасы левого борта. Погребенный находился в вытянутом положении на спине и головой был ориентирован на ССВ, вниз по течению р. Ангары. Анатомическая целостность скелета не нарушена. Вокруг черепа расчищены тонкие, рыхлые плитки известняка, предположительно, остатки кладки. Сопроводительный инвентарь состоит из наконечников дротиков из кремня, острий на призматических пластинах из кремня (острия «даурского типа»), острия на призматической пластине с боковой выемкой (наконечник стрелы «хиньского типа», по А.П. Окладникову), остроконечника из шифера, костяного наконечника и резца бобра (Окладников, 1975).

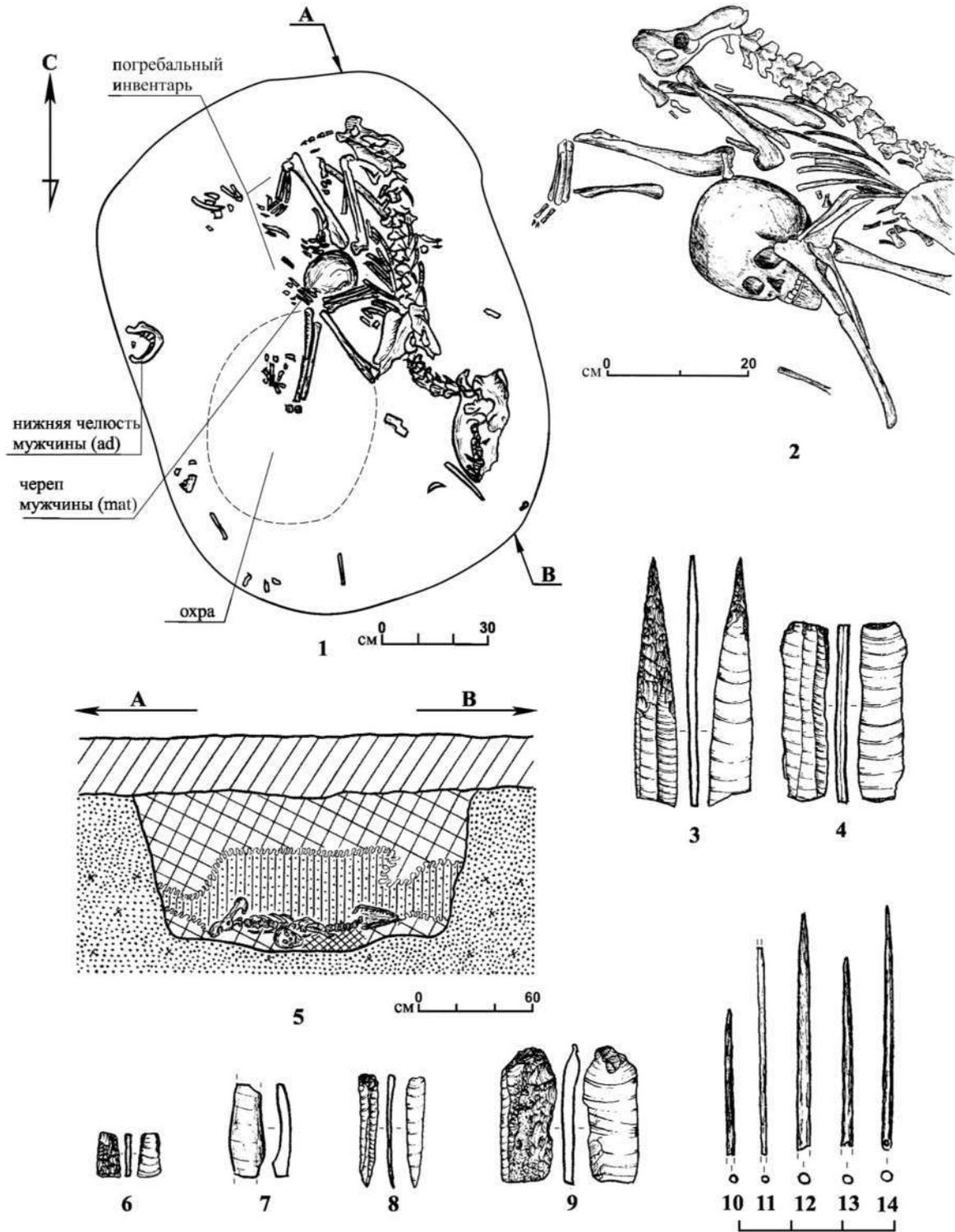

Рис. 3. Локомотив могила R-8:

1. План погребения. 2. Фрагмент погребения. 3. Острие на призматической пластине. Кремьень. 4, 8, 9. Призматические пластины. Кремьень. 5. Локомотив, R-8. Продольный разрез могилы. 6. Фрагмент вкладышевого лезвия. Кремьень. 7. Фрагмент резца бобра. 10–12 Стержни (острия?). Кость. 13, 14. Иглы. Кость

Fig. 3. "Lokomotiv" cemetery, grave R-8:

1. Plan of burial. 2. Fragment of burial. 3. Prismatic blade point. Flint. 4, 8, 9. Prismatic blades. Flint. 5. "Lokomotiv" cemetery, grave R-8. Longitudinal section. 6. Fragment of an insert blade. Flint. 7. Fragment of an incisor. Beaver. 10–12. Shanks (of a point?). Bone. 13, 14. Needles. Bone

Могила в пади Частые (правый берег р. Ангары) находилась на склоне правого борта. Под камнями разрушенной кладки расчищена могильная яма овальных очертаний, продольной осью направленная по линии ССЗ–ЮЮВ. Погребение разрушено. По предположению автора раскопок, погребенный головой был ориентирован на ССЗ. Сопроводительный инвентарь представлен наконечниками стрел «хиньского типа», остриями «даурского типа», остроконечниками из шифера и резцом бобра (Окладников, 1950; 1974).

Могила в пади Усть-Грязная (правый берег р. Ангары) выявлена вблизи бровки первой террасы р. Ангары. Захоронение совершалось в овальной могильной яме, продольной осью ориентированной по линии С–Ю, длина которой не превышала 1 м. Яма была заполнена крупными плитами известняка. На дне ямы в углисто-гумусной массе зафиксированы мелкие кости и несколько фрагментов костей человеческого черепа. Сопроводительный инвентарь включает костяную однопозовую обойму составного вкладышевого ножа, ретушированные вкладышевые лезвия, призматическую пластину без ретуши, крупную призматическую пластину с мелкой ретушью, заготовку орудия из плитки шиферного сланца, отщепы кремня, кварцита и окаменелой породы и челюстные кости тайменя. По предположению автора раскопок погребение было вторичным (Медведев, 1971).

Могила Локомотив R-8 (левый берег р. Ангары) раскопана на возвышенном участке склона приустьевого мыса в зоне слияния рек Ангары и Иркуты. Это оригинальное и сложное захоронение обнаружено в юго-восточной части территории западной группы могильника Локомотив (рис. 2 – 6). Геологические отложения, соответствующие уровню закладки ямы, уничтожены в процессе градостроительства. В могиле зафиксирован полный (в анатомическом порядке) скелет волка и разрозненные костные останки двух мужчин. Захоронение находилось в овальной в плане яме, продольной осью направленной по линии С–Ю, на глубине 0,86 – 0,92 м от современной поверхности. Волк покоился на левом боку с несколько приподнятой по отношению к телу головой, с поджатыми к корпусу лапами в динамичной позе. Головой погребенное животное было ориентировано на юг.

Между локтевыми и коленными сочленениями скелета волка, чуть ниже ребер, в анатомическом порядке зафиксирован череп мужчины (mat) с нижней челюстью и с первым и вторым шейными позвонками. Череп находился в специальном углублении дна ямы и лицевым скелетом был направлен на ЮЗ. К западу от костей передних ног отмечено овальное пятно, окрашенное охрой. Возле западной стенки ямы обнаружена очень хорошо сохранившаяся нижняя челюсть молодого мужчины, кости фаланг пальцев, несколько фрагментов ребер и возле черепа волка – фрагмент малой берцовой кости человека (рис. 3 – 1, 2, 5). Погребальный инвентарь состоял из двух тонких круглых в сечении костяных стержней (рис. 3 – 10, 11), фрагмента клыка бобра (рис. 3–7), трех игл из кости (рис. 3 – 12, 13, 14), трех призматических пластин (рис. 3 – 4, 8, 9), фрагмента вкладышевого лезвия из кремня (рис. 3. 6) и острия на призматической пластине (рис. 3 – 3). Как удалось установить, погребение волка совершалось в могильной яме уже существовавшей более древней могилы. В процессе захоронения волка, видимо, часть находившихся в яме костей была выброшена, а часть сдвинута к западной стенке. Обнаруженные разрозненные человеческие кости являются остатками мезолитического более древнего погребения, некалиброванный возраст которого составил 7750 ± 70 л.н. (ТО-6482). Погребальный инвентарь, предположительно, относится к этому захоронению. Погребение волка произошло на 500 лет позднее – даты ^{14}C (некалиброванные) по костям волка – 7230 ± 40 л.н. (ГИН-8841a), 7320 ± 70 (ТО-11558).

Человеческий череп и захоронение волка, возможно, сопричастны. Цвет костей волка и цвет черепа идентичны, но дата ^{14}C 7840 ± 70 (ТО-10507), полученная по костному образцу (первый шейный позвонок), свидетельствует о том, что он древнее. Для уточнения хронологической позиции необходимо получить дату ^{14}C непосредственно по костям черепа.

Краниометрические показатели этого черепа, к сожалению, до сих пор не опубликованы, и как он соотносится с черепами могильника Локомотив, пока не установлено.

Зафиксированный в могиле Локомотив R-8 скелет волка, как свидетельствуют размерные характеристики длины и ширины черепа, принадлежал крупной особи. Стертость зубов и заросшие альвеолы указывают на значительный возраст зверя. Для определения вида волка было произведено измерение «хищнического» зуба. Абсолютные размеры зубов довольно крупные, особенно первого и второго моляра. Относительные же показатели (10,8 % для P/4 и 12,7 % для M/1) укладываются в пределы изменчивости современных среднесибирских волков (отношение длины «хищнического» зуба к длине черепа использовано И.Е. Кузьминой для разделения тундровой и таежной форм волков). По предположению палеоантолога А.М. Клементьева, сибирские таежные волки не столь изолированы от тундры, как европейские, и составляют единую популяцию. Это не способствует дифференциации и приводит к стиранию морфометрических отличий (определение А.М. Клементьева; Кузьмина 1971). Возраст волка – 9 лет ± 1 год, сезон смерти – июнь – август (определение Г.А. Клевезаль).

Человеческие кости и сопроводительный инвентарь, зафиксированные вместе с преднамеренным погребением волка, более древние и по некоторым сохранившимся признакам ритуала и морфологии погребального инвентаря, предположительно, соотносится с погребальными комплексами хиньской традиции погребений.

Преднамеренное захоронение волка в описанном выше контексте одно из немногих в мировой археологии. В позднемезолитических и раннеолитических могильниках часто встречаются погребения собак вместе с людьми или отдельно. В раннеолитическом погребении, вскрытом на острове Ольхон (оз. Байкал), в засыпке могильной ямы человеческого захоронения были обнаружены скелеты двух собак (Конопацкий, 1982: 44). В коллективной могиле № 26 раннеолитической группы погребений могильника Шаманка II собака была похоронена вместе с людьми. Многочисленные отдельные захоронения собак также отмечены в позднемезолитическом могильнике Skateholm I.

Могилы Рывинка (правый берег р. Лены) находилась на террасовидном уступе с относительными отметками 25–30 м от уреза р. Лены. Надмогильная кладка из разноформатных плиток песчаника залегала в нижней части бурой гранулированной гумусированной супеси на глубине 0,15 – 0,25 м от современной поверхности. Глубина ямы 0,35 м. В могиле зафиксировано совместное захоронение женщины и ребенка, ориентированных на север. Труположение женщины на левом боку с согнутыми ногами. Ребенок младенческого возраста покоился на оттянутой влево левой руке женщины. Правая рука женщины перекрывала младенца сверху. Труположение ребенка установить не удалось. Женский костяк был без черепа. Дно погребальной ямы под детским костяком было засыпано мелкими комочками красной охры. В области женского костяка охра не отмечена. Северо-восточнее человеческих останков расчищена небольшая овальная ямка, содержащая комочки охры. Сопроводительный инвентарь состоит из наконечника стрелы «хиньского типа», костяного остря, аналогичного остря, обнаруженному в погребении из Хиньской пади, и ретушированных призматических микропластин (Аксёнов, 1982).

Рассмотренные выше могилы, относящиеся к хиньской погребальной традиции, располагаются на террасовидных уступах склонов. Надмогильные сооружения представлены одно- или двухслойными выкладками из камня (кровля могилы Локомотив R-8 не сохранилась.) Неглубокие (глубина не превышает 0,8 м от современной поверхности), овальные в плане ямы, продольной осью ориентированы по линии С–Ю. Захоронения в могилах из падей Частые, Хиньская и Усть-Грязная индивидуальные. Совместное захоронение женщины и ребенка отмечено на местонахождении Рывинка. В могиле Локомотив R-8 зафиксированы фрагментарные костные останки двух индивидуумов – мужчины зрелого возраста и мужчины возмужалого возраста. Труположение погребенных удалось определить только в двух могилах. В вытянутом на спине положении находился

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

погребенный из могилы в Хиньской пади (рис. 1 – 2). В совместном захоронении женщины и ребенка из могилы на местонахождении Рывтинка труположение женщины на левом боку с подогнутыми ногами, а ребенка – на правом боку. Скелет женщины посткраниальный. В трёх погребальных комплексах позы погребённых установить не удалось. Ориентировка погребённых головой в северном направлении отмечена в могилах, вскрытых в падах Хиньская, Частые, а также Рывтинка. В остальных случаях из-за разрушенности могил ориентировку определить невозможно. Но, учитывая направление продольной оси ям во всех случаях по линии С–Ю, можно предположить, что все погребённые головами были ориентированы в направлении на север. Локальные пятна охры отмечены в могилах Локомотив R-8 и Рывтинка. Захоронение в могиле Усть-Грязная, по наблюдениям автора раскопок Г.И. Медведева, было вторичным.

Сопроводительный инвентарь состоит из острий с краевой выемкой в основании (рис. 1 – 4), оформленных на призматических пластинах (острия «хиньского» типа); шлифованных граненых острий из шиферного сланца; острий, оформленных на призматических пластинах («даурского» типа) (рис. 1 – 3, рис. 3. 3), лавролистных острий-бифасов (наконечники дротиков?) (рис. 1 – 6); ретушированных призматических пластин; необработанных призматических пластин и их фрагментов (рис. 3 – 4, 8, 9); отщепов; плитки шиферного сланца; костяных острий (рис. 1 – 5); костяной однопазовой вкладышевой обоймы; костяных игл; игловидных костяных стержней (рис. 3 – 10, 11); фрагментов резцов бобра. Распределение инвентаря по могилам представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение инвентаря по могилам

№ п/п	Наименование категорий инвентаря	Хиньская падь	Падь Частые	Падь Усть-Грязная	Локомотив R-8	Рывтинка
1	Острия хиньского типа (наконечники стрел?)	1	1			1
2	Острия даурского типа	2	2		1	
3	Шлифованные острия из шифера	1	2			
4	Острия–бифасы (наконечники дротиков)	2				
5	Ретушированные призматические пластины			2	1	1
6	Призматические пластины	8		1	3	
7	Отщепы			5		
8	Плитки шиферного сланца			1		
9	Костяные острия	1				1
10	Однопазовая вкладышевая обойма			1		
11	Иглы из кости				3	
12	Костяные игловидные стержни				2	
13	Резцы бобра	1	1		1	
14	Челюстные кости тайменя			2		

Как следует из таблицы, из 48 предметов, зафиксированных в погребениях, 24 (50%) относятся к четырем категориям орудий, в основе которых лежат призматические пластины – острия на пластинах с выемкой в основании, острия на пластинах, пластины с краевой подработкой и необработанные пластины. Остальные 24 предмета распределяются по 2 или 3 экземпляра в 10 категориях изделий, включая ихтиофауну. Острия на пластинах с выемкой в основании (хиньский тип), острия на пластинах (даурский тип), как и лавролистные

остроконечники-бифасы, можно рассматривать в качестве хронологического и культурного индикатора инвентаря хиньской традиции погребений.

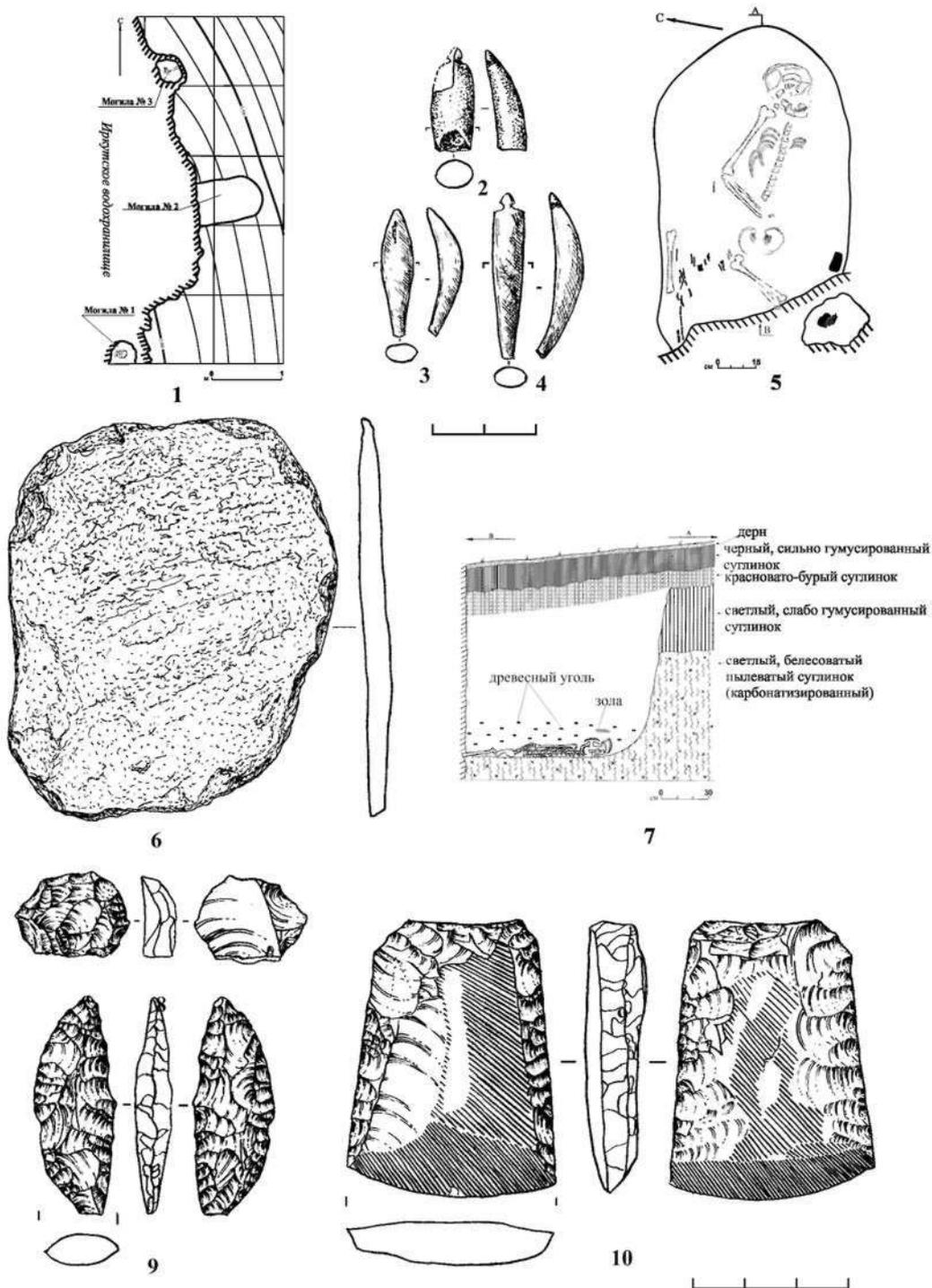

Рис. 4. Могильник Ерши:

1. План расположения остатков могил. 2-4. Составные рыболовные крючки из шиферного сланца (байкальский тип). 5. План погребения № 2. 6. Плоский дисковидный предмет из мелкокристаллической породы (пила?). 7. Продольный разрез могилы № 2. 8. Ногтевой скребок из халцедона. 9. А segment of chalcedony insert blade. 10. Шлифованное тесло из глинистого сланца

Fig. 4. Yershicemetery:

1. Disposition of graves' remains. 2-4. Compositeshale fishhooks (Baikal type). 5. Plan of burial#2. 6. Flat fine-crystallinerock discoiditem (saw ?). 7. Grave # 2: longitudinal section. 8. Thumbnail end chalcedony scraper. 9. Сегмент вкладышевого лезвия из халцедона. 10. Ground shaleadze

Основными признаками ритуала захоронений являются наличие одно- или двухслойных надмогильных кладок, ориентировка погребенных головой в северном направлении и, видимо, локальные пятна охры на уровне захоронений. Как уже отмечалось, положение погребенных, к сожалению, удалось проследить только в двух могилах. В одной из могил отмечено предположительно вторичное захоронение (Усть-Грязная). В верхнеленской могиле (Рытвинка) зафиксировано отсутствие черепа.

Все исследователи, занимавшиеся этой проблемой, на основании морфологии предметов сопроводительного инвентаря (А.П. Окладников, Г.И. Медведев, М.П. Аксёнов) и стратиграфических наблюдений (М.П. Аксёнов) соотносят хиньские погребения с поздними отделами мезолита. Абсолютный возраст удалось установить только по кости из могилы Локомотив R-8. Согласно дате ^{14}C могилы хиньской традиции погребений предположительно можно датировать хронологическим периодом 8000–7600 лет назад.

Щукинская хронологическая группа погребений. Открытые и раскопанные небольшие могильники и отдельные погребения возле деревни Щукино в 1953 г., Нижняя Джилинда в 1977 г., ул. Долгополова в 1982 г., Ерши (мыс Зыбун) в 1987 г., Локомотив R-8 в 1995 г. (захоронение волка), «Новый ангарский мост» в 2006 г. в совокупности не рассматривались. Могильник Щукино определялся в рамках китойской культуры (Казанцев, Хороших, 1958), материалы раскопок в Ершах и на ул. Долгополова в г. Иркутске оставались неопубликованными, погребение Локомотив R-8 является захоронением животного. По результатам радиоуглеродного датирования и типологического анализа установлено что, они обладают целым рядом отличительных признаков, позволяющих выделить их в самостоятельную хронологическую группу, предшествовавшую формированию погребальных обрядов раннего неолита. Изучение погребальных комплексов, зафиксированных на отмеченных выше шести местонахождениях, также, как и «хиньских», в настоящее время находится на уровне накопления фактического материала. Для полной характеристики отмеченной группы могил ниже приводится их краткое описание.

Могильник Щукино располагался на южной экспозиции склона террасовидной площадки правого берега р. Ангары, в 13 км выше по течению г. Иркутска (рис. 1. 7), на высоте 6–7 м от уреза воды. В процессе раскопок вскрыто 3 могилы, дислоцировавшиеся на расстоянии 40–50 м одна от другой вдоль реки. Надмогильные сооружения в виде каменной кладки, перекрывающей яму, отмечены только в могиле № 1. Внутримогильное одно- или двухслойное перекрытие округлыми камнями захоронения отмечено во всех погребальных комплексах. Труположение идентичное – скорченное на правом боку. Головой погребенные ориентированы на СЗ, вниз по течению р. Ангары. Во всех могилах зафиксирована слабая окраска захоронений охрой. Сопроводительный инвентарь состоит из призматических пластин, резцов, бокового скребка, вкладышевых лезвий, нуклеуса, подживляющего скола площадки нуклеуса, подвесок из резцов марала, фрагмента гематита, одно- и двухзубцовых костяных острий, ложила из кости, роговой ложки (лопатки?), костяных острий, подвесок из резцов марала, пуговиц из кости и резцов бобра. Абсолютный возраст не установлен (Казанцев, Хороших, 1958).

Могила Нижняя Джилинда обнаружена на правом берегу р. Витим в 2 км ниже его правого притока речки Нижняя Джилинда, на 12–14-метровой цокольной террасе правого приустьевого мыса ручья Сивакон. Погребение сопровождалось мощной надмогильной каменной кладкой. Могильная яма продольной осью направлена по линии С–Ю. Стенки ямы были обложены каменными плитами соответственно их уклону. Внутреннее пространство ямы заполнено камнями хаотично. Погребение представлено фрагментами костей мужчины 25–30 лет, расположенными в полном беспорядке. Многие кости скелета отсутствуют. Автор раскопок предполагает, что захоронение было вторичным. Рядом с кладкой выявлены три нефритовых ножа с угловым лезвием (ножи китойского типа). В кладке обнаружено 279 предметов, включающих нуклеусы, скребловидное изделие, нефритовую заготовку ножа, абразивы и 2 выпрямителя древков стрел, халцедоновые гальки, отщепы и 10

цилиндрических бусин из агальматолита. Коллекция предметов, зафиксированных в яме, состоит из 1310 предметов. Изделия из камня представлены заостренными призматическими пластинами (наконечники стрел), призматическими пластинами, обколотой нефритовой пластиной, выпрямителем древков стрел из песчаника, 110 цилиндрическими бусинами из агальматолита, призматическими нуклеусами, окатанным остроконечником и отщепами. Орудия из рога, кости и бивня мамонта включают обойму вкладышевого кинжала, фрагменты обойм составных вкладышевых орудий, долотовидный инструмент, наконечник стрелы, остря, жало составного рыболовного крючка, вильчатый наконечник стрелы, половинка клыка медведя и др. Абсолютный возраст погребения 7230 л.н. (Ветров, Задонин, Инешин, 1993).

Отдельная могила по ул. Долгополова в Глазковском предместье г. Иркутска обнаружена в 1982 г. при рытье котлована под строительство колодца водовода. Могила располагалась южнее вершины Кайской горы, на кромке довольно крутого склона левого борта лога, простирающегося с запада на восток (рис. 2). К сожалению, обнаженные экскаватором в южной стенке котлована человеческие кости первыми увидели дети. Они их и изъяли из частично нарушенной могильной ямы и в картонной коробке принесли автору данной статьи. Расчистка показала, что овальная в плане яма небольших размеров продольной осью направлена по линии С–Ю. Могильные сооружения из камней отсутствовали. Судя по рассказам очевидцев и размерам могильной ямы, погребённая, женщина молодого возраста (определение пола и возраста выполнено Н.Н. Мамоновой), находилась в скорченном на боку положении и головой была ориентирована на север. Предметы сопроводительного инвентаря в могиле не обнаружены. Днище ямы и костные человеческие останки интенсивно окрашены охрой. Согласно некалиброванной дате ^{14}C возраст погребения – 7520 л.н.

Могильник Ерши (Мыс Зыбун) дислоцируется на левом берегу р. Ангары, в 7 км выше по течению г. Иркутска, на западной экспозиции склона мыса Зыбун, в зоне сочленения левого берега Ангары и правого берега Большого Ершовского залива. Погребальные комплексы расположены на западной экспозиции склона устьевого участка лога (ныне Большой Ершовский залив). Обнаружены в результате осмотра обнажения в полосе размыва Иркутского водохранилища. Могильная яма одного из захоронений довольно отчетливо прослеживалась на вертикальной стенке обнажения (могила № 2). На расстоянии 2,2 м к ЮЗ от этой могилы, на блоке отседания выявлен череп еще одного захоронения (могила № 1). Остатки третьего захоронения (кости стоп) были обнаружены на расстоянии 1,8 м к ССЗ от могилы № 2 (рис. 4 – 1). К сожалению, кости черепа из могилы № 1 и кости стоп из могилы № 3 вместе с блоками отседания упали в воду и спасти их не удалось. Могила № 2, за исключением западной части, в которой находились берцовые кости и стопы, сохранилась, и ее удалось раскопать. Яма этого погребения заложена с нижнего уровня красновато-бурого суглинка, соответствующего голоценовому климатическому оптимуму, с глубины примерно 0,25–0,30 м от современной поверхности (рис. 4. 7). Надмогильная кладка и камни в заполнении ямы отсутствовали. Глубина могилы 1,05–1,10 м от уровня закладки и 1,30–1,40 м от современной поверхности. В заполнении ямы встречались вкрапления древесного угля, а возле восточной стенки (над черепом) зафиксированы небольшой зольник и очень плохой сохранности орудие из кости. Погребенный, взрослый индивидуум, находился на левом боку с подогнутыми ногами. Головой ориентирован на восток (Аз. = 81°). Кости правой руки были согнуты в локтевом сочленении так, что дистальные эпифизы локтевых костей находилась на поясничных позвонках. Могила, видимо, нарушалась в древности, о чем свидетельствует положение левой плечевой кости, которая зафиксирована под северной стенкой ямы на уровне тазобедренного сочленения. Сопроводительный инвентарь сосредоточен в западной части погребения, в основном, между правой бедренной костью и северной стенкой ямы. Отдельные предметы находились слева от правой бедренной кости рядом с южной стенкой (рис. 4 – 5). Возле северной стенки ямы зафиксированы 23 призматические пластины,

являвшиеся, видимо, сегментами лезвия составного вкладышевого орудия с деревянной обоймой (рис. 5 – 6–26), т.к. располагались двумя параллельными рядами. Между тазобедренным сочленением и отмеченными призматическими пластинами находились три овально изогнутых шлифованных стерженька байкальского типа из шифера (рис. 4 – 2–4), ногтевой скребок (рис. 4 – 8), сегмент вкладышевого бифасиально обработанного лезвия с овально-выпуклым рабочим краем из халцедона (рис. 4 – 9) и небольшое, трапециевидное в плане шлифованное сланцевое тесло (рис. 4 – 10). Рядом с южной стенкой ямы, слева от крыла левой подвздошной кости, располагался абразив из песчаника с неровной продольной вогнутостью середины одной из сторон. Также под южной стенкой ямы, слева от коленных сочленений, выявлено скопление предметов, состоящее из плоской плитки из мелкокристаллической породы (рис. 4 – 6), и пяти длинных призматических пластин из кремня (длина 7–8 см), снятых с одного нуклеуса (рис. 5 – 1–5). Кроме изделий из камня, в могиле находились также предметы из кости и рога, но из-за плохой сохранности они представлены неопределимыми фрагментами. Костные останки людей и предметы сопроводительного инвентаря из могильника Ерши окрашены охрой. Абсолютный возраст могильника не установлен, но, исходя из приведенного выше описания ритуала и сопроводительного инвентаря, эти погребения должны быть несколько древнее китайских, вскрытых в Приангарье, в частности, в наиболее близком территориально могильнике Локомотив.

Могила «Новый ангарский мост» обнаружена в процессе спасательных раскопок многослойного геoarхеологического объекта, расположенного в зоне строительства подъездных путей на левом берегу р. Ангары к возводимому новому мосту. Многослойный геoarхеологический объект входит в состав обширного стояночного комплекса Царь-Девица – Титово. Расположена на террасовидной поверхности на значительном удалении от реки. Признаки присутствия или отсутствия надмогильного сооружения из камня уничтожены хозяйственной деятельностью. Камни в заполнении ямы не отмечены. Погребение представлено останками обгоревших человеческих костей. Сожжение трупа, видимо, произошло вне могилы, до погребения, так как значительные следы огня в яме не отмечены. Небольшой прокол зафиксирован под южной стенкой, рядом с черепом, но для трупосожжения его размеры слишком малы. Обожжённые остатки костяка представлены фрагментированным черепом с нижней челюстью, фрагментами шейных позвонков, шестью костями верхних и нижних конечностей без эпифизов и несколькими фрагментами ребер. Череп находился рядом с южной стенкой. Покоился затылочными костями вниз. Кости мозгового и лицевого отдела распались по несросшимся швам и были раздавлены на более мелкие фрагменты. Левая сторона черепа частично перекрывала трубчатые кости, возможно, левую плечевую и одну из локтевых костей. Исходя из того, что кости нижних конечностей находились в области грудной клетки, можно предположить, что перед сожжением труп был в скорченном положении с прижатыми к груди ногами. Головой погребенный ориентирован на Ю. Сопроводительный инвентарь, состоящий из четырех вкладышевых лезвий и шести призматических пластин, располагался слева от костяка. Некалиброванный абсолютный возраст погребения 7530 л.н. (Лежненко, 2007).

В географическом отношении могильники и отдельные захоронения распространены крайне неравномерно. Пять местонахождений расположены в пределах 20-километрового участка южного Приангарья – Щукино, Ерши, Локомотив R-8, ул. Долгополова, «Новый ангарский мост» и одно дислоцируется в долине р. Витим (Нижняя Джилинда), на расстоянии примерно 1000 км севернее верхнего Приангарья (рис. 1. 1). Всего вскрыто 9 могил разной степени сохранности, в которых зафиксированы кости 9 индивидуумов и волка. Все погребальные комплексы верхнего Приангарья, расположены вне поселений, а могила Нижняя Джилинда, судя по описанию, находится на территории стоянки. Надмогильные кладки и заполнение внутреннего объема ям камнями отмечено в погребении Нижняя Джилинда. Надмогильная кладка и перекрытие погребенного одним слоем камней

прослеживается в одной из могил могильника Шукино. Перекрытие погребенных одним слоем камней и отсутствие надмогильной кладки зафиксировано в двух других могилах могильника Шукино. Захоронения могильника Ерши надмогильными и внутримогильными сооружениями не сопровождались. Камни в заполнении ямы погребения волка Локомотив R-8 также не отмечены. Могильные ямы на местонахождениях Нижняя Джилинда, на ул. Долгополова, Локомотив R-8 и «Новый ангарский мост» продольной осью направлены по линии С–Ю, на местонахождении Шукино – СЗ–ЮВ, на местонахождении Ерши – В–З. Труположение погребенных и ориентировка представлены в табл. 2.

Таблица 2

Труположение погребенных и ориентировка

№ п/п	Местонахождение	Труположение							Ориентировка				
		на спине с согнутыми ногами	на левом боку с согнутыми ногами	на правом боку с согнутыми ногами	скорченное на правом боку	скорченное на боку	скорченное на спине	не установлено	С	Ю	СЗ	В	не установлена
1	Шукино				3						3		
2	Ерши		1					2				1	2
3	Локомотив R-8 (волк)									1*			
4	Ул. Долгополова					1			1				
5	Нижняя Джилинда							1					1
6	«Новый ангарский мост» 1* – волк							1		1			

Согласно данным табл. 2, вытянутое на спине труположение в захоронениях рассматриваемой хронологической группы отсутствует. Погребённые в могильнике Шукино находились в скорченном положении на правом боку, Ерши – на левом боку с согнутыми ногами (1 захоронение). В могиле Локомотив R-8 скелет волка находился на левом боку с согнутыми костями ног. В погребениях «Новый ангарский мост» и ул. Долгополова отмечено скорченное труположение. Вторичное захоронение зафиксировано в могиле Нижняя Джилинда. Ориентировка погребённых головой также разная, но преобладает северное направление. Во всех рассматриваемых местонахождениях захоронения были индивидуальные. Присутствие охры отмечено практически во всех погребениях (по могиле Нижняя Джилинда отсутствуют данные), но интенсивность окраски и локализация пятен во всех случаях различная. Вышеизложенное свидетельствует о том, что ритуал захоронений на всех местонахождениях разный. Труположение на спине и на боку с согнутыми ногами зафиксировано в раннеолитической группе захоронений Фофановского могильника, но они не сопровождаются надмогильными и внутримогильными кладками. Сочетание надмогильных кладок и внутримогильного однослойного перекрытия погребённых со скорченным на боку труположением в могильнике Шукино в ритуале захоронений эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири не прослежено. Погребение Нижняя Джилинда по ряду признаков ритуала наиболее близко соотносится с могилами хиньской традиции. Отдельные признаки ритуала захоронений могильника Ерши имеют аналогии во

множестве могил раннего неолита (отсутствие кладок, охра и т.д.), но труположение на левом боку с согнутыми ногами, ориентировка погребённых на восток позволяют рассматривать эти погребения вне раннеолитического контекста. Могила Локомотив R-8 является уникальным захоронением волка.

Номенклатурные наборы предметов сопроводительного инвентаря и его морфотипологические характеристики также на всех местонахождениях разные. Наиболее представительный инвентарь зафиксирован в захоронении Нижняя Джилинда. Хочется отметить также преобладание в инвентаре могил всех местонахождений призматических пластин, часть из которых, видимо, использовалась в качестве вкладышевых лезвий. Рыболовный инвентарь, в отличие от раннеолитических погребальных комплексов, очень немногочислен и отмечен жалом составного рыболовного крючка и фрагментом гарпуна (Нижняя Джилинда), одно- и двухзубцовыми остриями (остроги?) (Шукино) и изогнутыми составными рыболовными крючками байкальского типа (2 стержня и жало) (Ерши). Шлифованные рубящие орудия представлены небольшим теслом из сланца (Ерши); абразивные инструменты – бруском из песчаника с вогнутостями на одной из плоскостей (Ерши) и выпрямителем древков стрел (Нижняя Джилинда). В погребении Нижняя Джилинда зафиксирована серия из пяти острий даурского типа. Так называемые ногтевидные скребки из кремня и халцедона выявлены в могиле № 1 (Шукино) и в могиле № 2 (Ерши). Бифасиально обработанные орудия отмечены только халцедоновым сегментом вкладышевого лезвия с овально-выпуклым контуром рабочего края из могильника Ерши. В захоронении Нижняя Джилинда были обнаружены одно- и двухпазовые обоймы составных вкладышевых орудий из кости и бивня мамонта довольно архаического облика. Украшения состоят из агальматолитовых бус (Нижняя Джилинда) и подвесок из клыков марала (Шукино, Нижняя Джилинда). Подвески из клыков марала и скребки не могут служить хронологическими показателями, т.к. они широко распространены в материалах позднего мезолита и раннего неолита. Острия на призматических пластинах и составные вкладышевые орудия из погребения Нижняя Джилинда отмечены в «хиньских» могилах и позднемезолитических слоях стоянок (Усть-Грязная, мезолитические слои Усть-Белой и т.д.), а шлифованные «треугольные» нефритовые ножи (зафиксированы в кладке), абразивы (выпрямители древков стрел) распространены в раннеолитических погребальных комплексах. Составные рыболовные крючки байкальского типа с изогнутым стержнем (могильник Ерши), впервые выявленные Б.Э. Петри в XI (мезолитическом) слое Улан-Хады, зафиксированы в мезолитических и раннеолитических слоях стояночных комплексов Приольхонья (Улан-Хада, Саган-Нугэ) и верхнего Приангарья (Царь-Девича). В погребальных комплексах один такой крючок найден только в могиле № 3 (1972 г.) Шаманского мыса на острове Ольхон (Конопацкий, 1982: 154, рис. 17) и в погребальных комплексах раннеолитической группы могильника Шаманка II – 26 экз. Сланцевое тесло из могильника Ерши относится к немногим шлифованным изделиям в рассматриваемой группе погребений. Подобные укороченные инструменты встречены в позднемезолитических слоях неоднократно упомянутых выше стояночных комплексов (Хлобыстин, 1964: 25–32). Одно- и двухзубцовые острия, оформленные на длинных роговых стержнях, и ногтевидные микроскребки (могильники Шукино, Ерши) встречаются в позднем мезолите. В целом, сопроводительный инвентарь находит аналогии в материалах могильников и стоянок позднего мезолита и раннего неолита.

Некалиброванный абсолютный возраст рассмотренной группы могил определяется серией дат ^{14}C , полученных по костным останкам погребённых (табл. 5). Даты ^{14}C по могильникам Шукино и Ерши отсутствуют, но, судя по признакам ритуала захоронений и морфологии сопроводительного инвентаря, абсолютный возраст этих местонахождений должен находиться примерно в пределах 7500–7000 л. н. Получить дату ^{14}C по материалу из захоронения № 2 могильника Ерши не представляется возможным из-за отсутствия коллагена в костях.

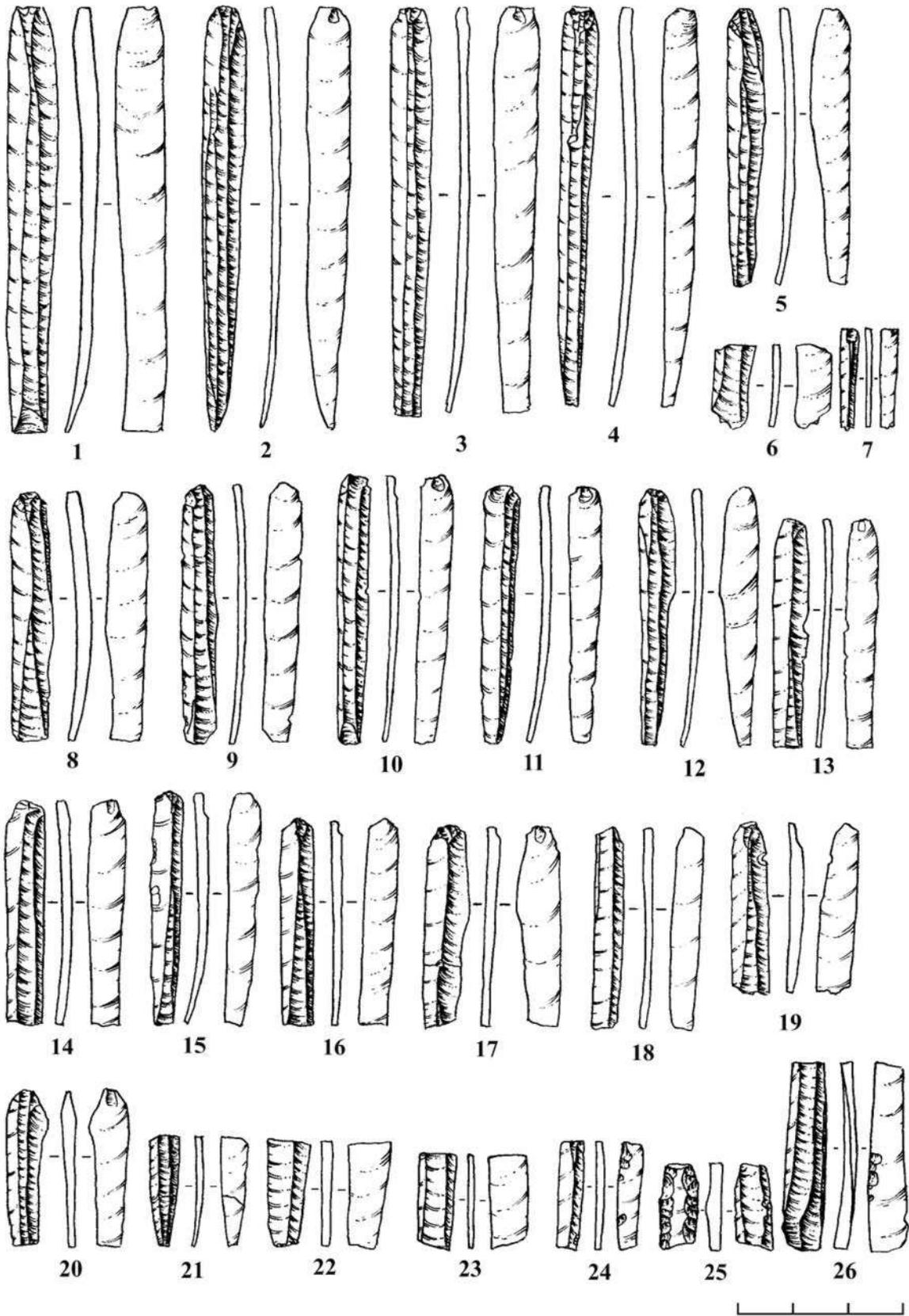

Рис. 5 Могильник Ерши. Могила № 2:

1-5. Призматические пластины из серого кремня. 6-26. Вкладышевые лезвия? Серый кремнь

Fig. 5. Yershi mortuary site. Grave № 2:

1-5. Prismatic blades. Gray flint. 6-26. Insert blades ? Gray flint

Таким образом, представленные выше материалы шести местонахождений погребальных комплексов не относятся к единой традиции погребений. Каждый могильник и отдельный погребальный комплекс обладает самостоятельным ритуалом захоронения и набором сопроводительного инвентаря. Единственным объединяющим признаком является отсутствие во всех рассмотренных могилах погребённых в вытянутом на спине положении. Видимо, эти могильники оставили разные группы населения с различным мировоззрением, отразившимся в погребальной практике. Своеобразие ритуалов захоронений, отсутствие керамики, характерного рыболовного инвентаря, незначительное количество шлифованных изделий и бифасиально обработанных наконечников стрел, а также смешение мезолитических и неолитических признаков в морфотипологических показателях сопроводительного инвентаря, близкая хронологическая позиция (абсолютный возраст), локализирующая погребения в пределах 7500–7000 л.н. позволяют выделить эту группу могил из общего раннеолитического контекста. В целом, погребальные комплексы из отмеченных местонахождений слабо согласуются с более ранними хиньскими и обладают целым рядом отличий от более поздних раннеолитических. Они находятся в такой хронологической позиции, когда уже не мезолит, но еще не неолит. Для более конкретного определения эту серию можно рассматривать как финально-мезолитическую и по первому раскопанному местонахождению назвать шукинской хронологической группой погребений.

Погребальные комплексы раннего неолита

Новации, связанные с появлением на территории Байкальской Сибири 7000 л.н. (некалиброванная шкала ^{14}C дат) керамики, широкомасштабным использованием шлифованных орудий (рубящие инструменты, ножи, стержни составных рыболовных крючков, плоские остроконечники) и массовых захоронений, свидетельствуют о переходе к неолиту. Поскольку ранний неолит на хронологическом отрезке от 7000 до 6000 л.н. (по костным останкам погребённых из раннеолитических могил получено 204 даты ^{14}C – табл. 5) выглядит достаточно зрелым, то возникает сомнение в тезисах Н.А. Савельева о «двух фазах формирования китойского населения в докерамический и керамический периоды» (Савельев и др., 2003: 346) и А.В. Вебера – о «раннем и позднем китое» (поздний мезолит и ранний неолит) (Вебер, Линк, 2001: 145). Возможно, происхождение такого «неолита» связано с появлением на территории южного Прибайкалья нового населения (территория распространения могил китойской традиции погребений), оказавшего существенное воздействие на аборигенное население региона, в результате чего и сформировались погребальные комплексы, отличающиеся значительной региональной дифференциацией. Косвенным свидетельством этого может служить появление множества погребений на юге Прибайкалья, относящихся к рассматриваемому периоду и практически неизвестных в позднем мезолите (к настоящему времени на 10 местонахождениях вскрыто 14 могил, относящихся к поздним отделам мезолита, в которых зафиксированы костные останки 15 индивидуумов и волка). В течение 120-летнего периода исследований в Байкальской Сибири на 25 местонахождениях раскопано 286 раннеолитических могил, в которых находились погребения 430 индивидуумов. По присутствию отдельных признаков ритуала захоронений и некоторых категорий сопроводительного инвентаря таких, как надмогильные кладки, заполнение внутреннего пространства ям камнями, поза погребённого – труположение, в некоторых случаях ориентировка, рыболовные крючки «китойского типа», керамика, некоторые виды гарпунов, в панораме раннего неолита Байкальской Сибири выделяются два обрядовых массива погребальных комплексов. Первый массив, в количественном отношении превышающий второй более чем в пять раз – «китойский», дислоцируется в южном Прибайкалье. Включает «классические» могильники раннего неолита – Локомотив, Китойский, Усть-Бельский и Галашиха, отдельные погребения в районе г. Иркутска – Кузьмиха, Роща Звездочка, а также несколько разрушенных могил возле станции Суховской

и на территории села Тельма. Видимо, сюда же следует включить раскапываемый в настоящее время на южном побережье оз. Байкал могильник Шаманка II (в устье р. Талой). Отмеченные могильники находятся в устьях рек, берущих начало в горах Восточного Саяна, в частности в Тункинской впадине (Иркут, Китой, Белая, Култучная). На относительно небольшой территории, ограниченной с востока юго-западным побережьем оз. Байкал (до истока р. Ангары), и на севере левым берегом р. Ангары (до устья р. Белой), сосредоточено 80 % раннеолитических могил, в которых находились костные останки 84 % индивидуумов. Количественные показатели и некоторые признаки ритуала захоронений представлены в табл. 3.

Таблица 3

Количественные показатели и некоторые признаки ритуала захоронений

№ п/п	Наименование местонахождения	К-во могил	К-во погребенных	Дополнительные могильные сооружения		Труположение				
				надм. кладка	внутримог. конструкция	вытянутое на спине	вытянутое на животе	на спине с согнутыми ногами	скорченное	на боку с подогнутыми ногами
1	Шаманка II	92	156	–	2	98*	2	3	5	3
2	Кузьмиха	2	2	–	–	2	–	–	–	–
3	Роща Звездочка	1	1	–	–	1	–	–	–	–
4	Локомотив	87	140	–	–	136	1	2	–	1
5	Суховская	?	?	?	?	?	?	?	?	?
6	Китойский м-к	31	35	–	–	25	1	1	1	1
7	Галашиха	10	13	–	–	11	–	–	–	–
8	Усть-Белая	10	16	–	2	10	–	–	–	–
	Всего	233	363	–	4	273	4	6	6	5

*труположение 45 индивидуумов установить невозможно

Как следует из таблицы 3, надмогильные кладки отсутствуют во всех погребальных комплексах рассматриваемого массива. Внутримогильное перекрытие погребенных камнями отмечено в двух комплексах могильника Шаманка II. В одной из ям могильника Усть-Белая плоскими плитами обложены стенки. Крупные камни отмечены также на дне ямы детского захоронения могильника Усть-Белая. На всех местонахождениях доминирует вытянутое на спине труположение. Другие позы составляют всего 8%. Наибольшее количество умерших в положении, отличном от вытянутого на спине, захоронено в могильнике Шаманка II. Второй массив, состоящий из местонахождений небольших могильников и отдельных захоронений, распространен на всей остальной территории Байкальской Сибири и содержит соответственно 20% могил и 16% погребенных. По своей внутренней структуре эти небольшие региональные местонахождения погребальных комплексов часто неоднородны. Этот массив состоит из исследованных на сегодняшний день 17 локальных групп и отдельных могил, дислоцирующихся на большой территории в разных районах Прибайкалья и восточного побережья оз. Байкал. Первая – восточнобайкальская группа включает раннеолитические погребальные комплексы Фофановского могильника. Вторая группа – приольхонская представлена раннеолитическими захоронениями четырех местонахождений расположенных в устье р. Анги (Хоторук), на побережье Мухорского залива (Улан-Хада IV), на западном побережье Малого Моря (Курма XI) и на острове Ольхон (Шаманский мыс). Третья группа – верхнеленская, состоит из могил, расположенных в верховьях р. Лены – раннеолитические погребения Макрушинского могильника, две

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

могилы, раскопанные в д. Юшино, а также отдельные захоронения – Старый Качуг и Картухай–Степное. Четвертая группа – североверхнеленская, включает захоронения могильника Турука. В этот же массив входят отдельные раннеэнеолитические могилы Приангарья, раскопанные ниже по течению устья р. Белой: № 43 из могильника Усть-Ида I, отдельное детское погребение на острове Осинский, две могилы из Распутино, а также погребение № 16 Серовского могильника (рис. 1 – 1). Количественные показатели второго массива могил и отдельных признаков ритуала захоронений помещены в табл. 4.

Таблица 4

№ п/п	Наименование местонахождения	Кол-во могил	Кол-во погребенных	Дополнительные могильные сооружения		вытянутое на спине	Труположение			на боку с подогнутыми ногами
				надм. кладка	внутримог. конструкция		вытянуто на живот	на спине согнутым ногами		
1	Усть-Ида I м. 43	1	1	1	–	?	?	?	?	?
2	Остров Осинский	1	1	?	?	1	–	–	–	–
3	Распутино	2	2	1	1	2	–	–	–	–
4	Серовский м-к м. 16	1	1	1	–	?	?	?	?	?
5	Макрушино	5	5	3	2	3	–	1	–	–
6	Юшино	2	4	2	?	4	–	–	–	–
7	Улус Степно-Балтайский	1	1	1	–	1	–	–	–	–
8	Картухай	1	1	1	–	1	–	–	–	–
9	Старый Качуг	1	1	1	–	1	–	–	–	–
10	Никольский II	1	1	1	–	1	–	–	–	–
11	Турука	11	11	?	–	10	1	–	–	–
12	Подымахино	1	2	1	–	–	–	2	–	–
13	Хоторук	7	11	7	7	–	–	4	2	5
14	Улан-ХадаIV (м. 12, 13, 15)	3	2	3	–	1	–	1	–	–
15	Шаманский мыс Ольхон)	1	1	1	1	–	–	1	–	–
16	Курма XI	6	6	6	6	3	–	–	–	1
17	Фофановский м-к	8	16	–	–	–	–	10	–	5
	Всего	53	67	30	17	28	1	19	2	11

На 17 местонахождениях зафиксировано всего 53 погребальных комплекса, в которых находились костные останки 67 индивидуумов, что гораздо меньше, чем в отдельных могильниках китойской группы, таких, как Локомотив или Шаманка II. На всех местонахождениях, за исключением Фофановского могильника, отмечены надмогильные кладки. В 17 погребальных комплексах зафиксированы внутримогильные перекрытия погребенных. Согласно данным таблицы, вытянутое на спине труположение в рассматриваемом массиве не является преобладающим и составляет менее 50% от захоронений в других позах.

Могильники первого массива (китойской традиции погребений) локализуются в устьях трех крупных левобережных ангарских притоков – Иркуты, Китоя, Белой, и на южном

побережье оз. Байкал, в устье речки Талая (Култучная). Наиболее крупным и в определенной степени эталонным в этой группе является могильник Локомотив. Погребальные комплексы дислоцируются в нижней половине восточной экспозиции склона приустьевого мыса 120-метровой высоты. Территория распространения древних захоронений охватывает 2 участка общей площадью, примерно, 10 000 м². Погребальные комплексы локализуются в подножье Кайской горы, на восточной экспозиции склона (первый, восточный, участок) и в средней части, по левому борту лога, рассекающего этот склон с СЗ на ЮВ (второй, западный, участок) (рис. 2). Первые сведения о разрушении окрашенных охрой погребений (упоминание о двух могилах) относятся к 1897 г., когда срезалось подножье склона Кайской возвышенности для прокладки Транссибирской железной дороги (восточный участок локализации могил) (Овчинников, 1904: 67–71). Профессиональные археологические раскопки могильника проводились в 1927 г. – 5 могил (Герасимов, 1955: 416–424); 1946–1959 гг. – 21 могила (Хороших, 1966: 84–93, Окладников, 1974: 35–45); 1980–1997 гг. (раскопки Лаборатории археологии и этнографии Иркутского университета) – 59 могил (западный участок локализации могил) (Bazaliiskij, Saveljev, 2003: 20–30). Всего на территории могильника вскрыто 87 могил. Древние захоронения, находившиеся на восточном участке и в южном секторе западного участка могильника, были уничтожены в процессе строительства железной дороги, жилых кварталов и подземных коммуникаций. Подсчитать количество разрушенных могил невозможно, но оно должно выражаться трехзначной цифрой. Археологические раскопки, в результате которых вскрыто большинство погребальных комплексов, производились на территории городского парка, созданного во второй половине XIX в. в зоне сохранившегося реликтового рельефа западного участка могильника. До настоящего времени в парке сохранились нераскопанными еще не менее 50 могил (рис. 6). Из 87 вскрытых погребальных комплексов относительно достоверные археологические и антропологические сведения имеются только о 82, из которых в 81 зафиксированы захоронения людей (140 индивидуумов) и в одном – оригинальное погребение волка. Стояночный материал и ритуальные объекты на вскрытых площадях не обнаружены.

Китойский могильник расположен на невысоких холмах левого берега устьевого участка старого русла р. Китой (3 км ниже по течению р. Ангары от современного устья р. Китой). Наиболее значительные раскопки проведены в 1880–1882 гг. Н.И. Витковским. В течение двух полевых сезонов было вскрыто 23 могилы, в 1957 г. в раскопе общей площадью 300 м² Г.А. Максименковым исследовано еще 6 могил. В этом же году П.П. Хороших в местности Ярки раскопал оригинальное «сидячее» окрашенное охрой захоронение с характерным сопроводительным инвентарем и еще одну могилу, в которой погребенный находился в вытянутом положении (Витковский, 1881; 1882; Окладников, 1974: 49–61; Хороших, 1979: 83–88). Всего в Китойском могильнике вскрыта 31 могила, в которых находились 35 индивидуумов и 2 ритуальных объекта. Площадь могильника 3500 м² (50 м × 70 м) ограниченная левым бортом старого русла р. Китой и обрывом левого берега р. Ангары была уничтожена распашкой. Количество разрушенных могил не поддается учету. Погребальные комплексы находятся вне стоянки.

Могильник Усть-Белая дислоцируется в устье левого берега р. Белой, в зоне причленения первой надпойменной террасы к более высокой надпойменной поверхности в южной части стоянки. Могильник исследовался в 60–70 гг. XX в. Всего вскрыто 10 могил – 7 индивидуальных и 3 групповых (16 погребённых) (Георгиевская, 1989: 59–88).

Могильник Галашиха расположен на первой надпойменной террасе устьевого участка р. Белой (9–9,5 м от уреза р. Белой), на ангарском берегу (выше по течению слияния с р. Белой). Раскопки проводились в 1977, 1998–1999 гг. На вскрытой (126 м²) площади раскопано 10 могил и 8 ритуальных объектов. В семи могилах отмечены индивидуальные захоронения и в трех – совместные захоронения двух погребенных (13 индивидуумов) (Окладников, Конопацкий, 1984: 23–27; Бердникова, 2001: 144–147).

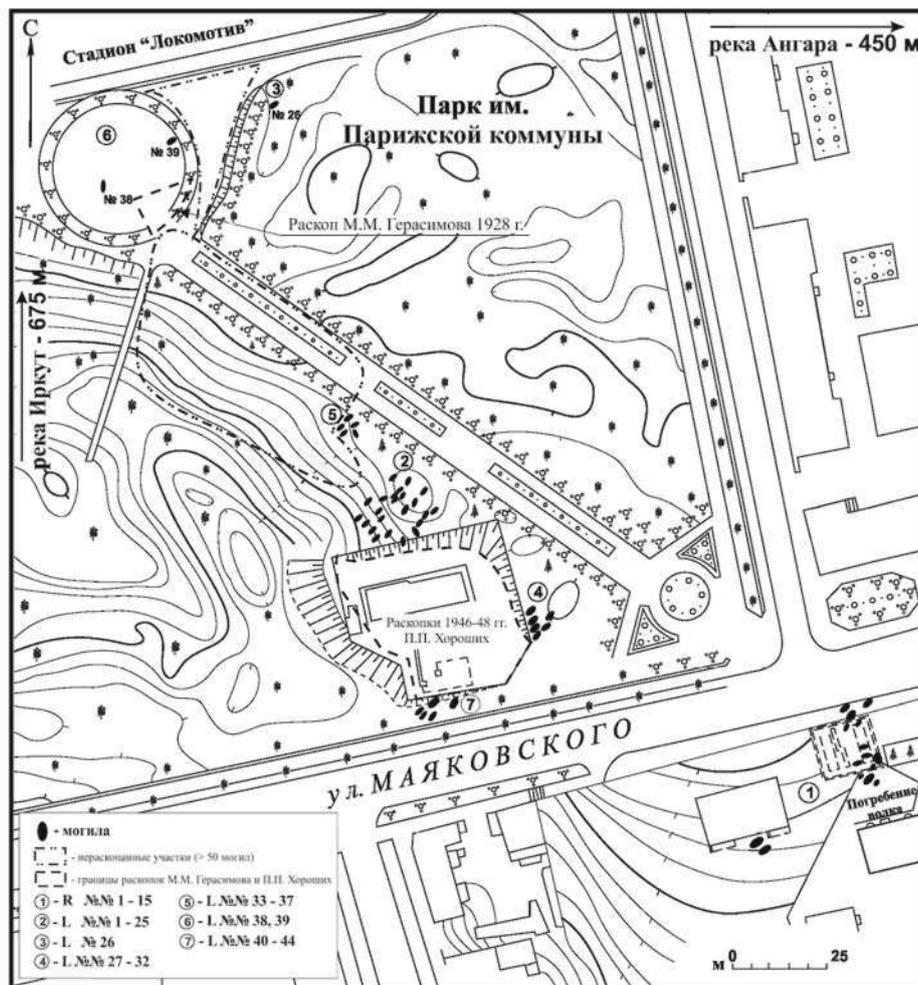

Рис. 6. Могильник Локомотив. План расположения вскрытых могил западной группы
 Fig. 6. "Lokomotiv" cemetery. Disposition of western cluster's opened graves

Могильник *Шаманка II* дислоцируется на юго-западном побережье оз. Байкал, на западной экспозиции склона второго холма Шаманского мыса, на высотных отметках 22–28 м от уровня оз. Байкал. Первые три захоронения, среди которых находилось одно ранненеолитическое, были вскрыты А.В. Тиваненко в 1962, 1965 гг. (Тиваненко, 1979: 181–188). На протяжении последующих 32 лет могильник не исследовался и только в 1998–1999 гг. А.В. Харинский и Г.В. Туркин раскопали 6 новых захоронений, в том числе три, относящиеся к раннему неолиту (Туркин, Харинский, 2004: 124–158). В 2000–2007 гг. Култукским отрядом КАЭ ИГУ работающим в рамках Российско-Канадской исследовательской программы под руководством автора статьи, раскопано 89 могил, датирующихся ранним неолитом. К настоящему времени на вскрытой площади (949 м²) исследовано 92 погребальных комплексов раннего неолита – 7000–6000 л.н., в которых зафиксированы костные останки 156 индивидуумов (Базалийский, Вебер, 2005: 16–21) (рис. 7). Раскопки могильника не завершены.

Деревня Кузьмиха располагалась на левом берегу р. Ангары, выше по течению устья р. Иркут в устье речки Кучумихи (ныне территория г. Иркутска). Одно погребение было раскопано сотрудниками Иркутского краеведческого музея на мысовидном выступе правого берега речки Кучумихи. Погребенный находился в вытянутом положении на спине и головой был ориентирован на СВ. Днище могильной ямы и костные человеческие интенсивно окрашены охрой. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Второе погребение там же раскопал в 1924 г. М.М. Герасимов в процессе исследований Кузьмихинской стоянки. Так же,

как и в первом случае, костяк и днище могильной ямы были окрашены охрой. Головой погребенный ориентирован на ЮВ. Предметы сопроводительного инвентаря не обнаружены. Погребения находились на территории стоянки (Окладников, 1974: 25).

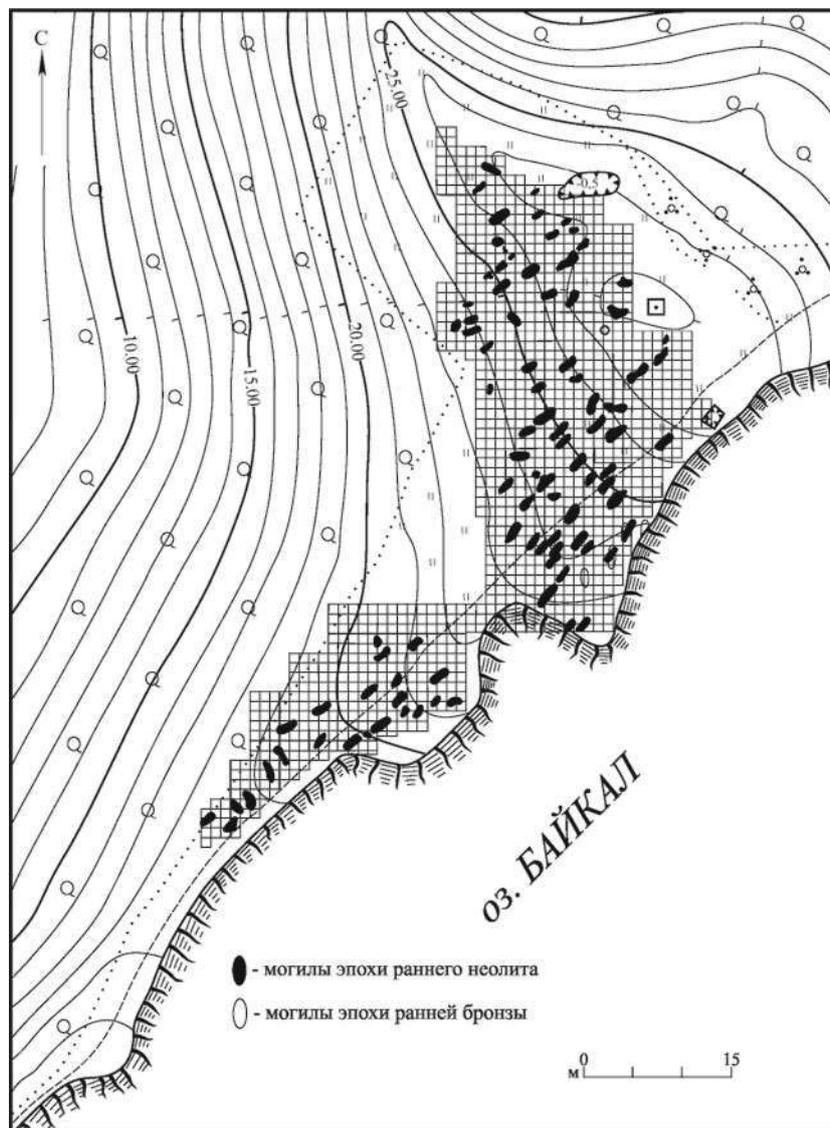

Рис. 7. План могильника Шаманка II
Fig. 7. Plan of Shamanka II cemetery

Роща Звездочка находится на территории г. Иркутска, на левом берегу р. Ангары, выше по течению устья р. Иркут. Реликтовой рощей охвачен устьевой участок лога. Древнее погребение выявлено автором данной статьи в 2003 г. в процессе археологического обследования территории рощи. Могила располагалась на склоне правого борта лога. Погребенный находился в вытянутом положении на спине и головой был ориентирован на восток. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Кости скелета окрашены охрой.

Суховская. Станция Суховская расположена на левом берегу р. Ангары, между устьем р. Иркут и устьем р. Китой. В 1964 г. при строительстве промышленного объекта на южном склоне песчаной дюны были разрушены древние захоронения. На месте разрушения археологами обнаружены 127 изделий из камня. В составе коллекции зафиксировано 27 стерженьков составных рыболовных крючков китайского типа, 20 наконечников стрел, 4 пластинчатых (строгальных) шлифованных ножа, один нефритовый «треугольный» шлифованный нож, 2 палетки, 3 скребка, песты и абразивы, кусок кровавика и фрагменты

человеческих костей. Количество разрушенных могил установить не удалось (Георгиевская, 1989: 35–38).

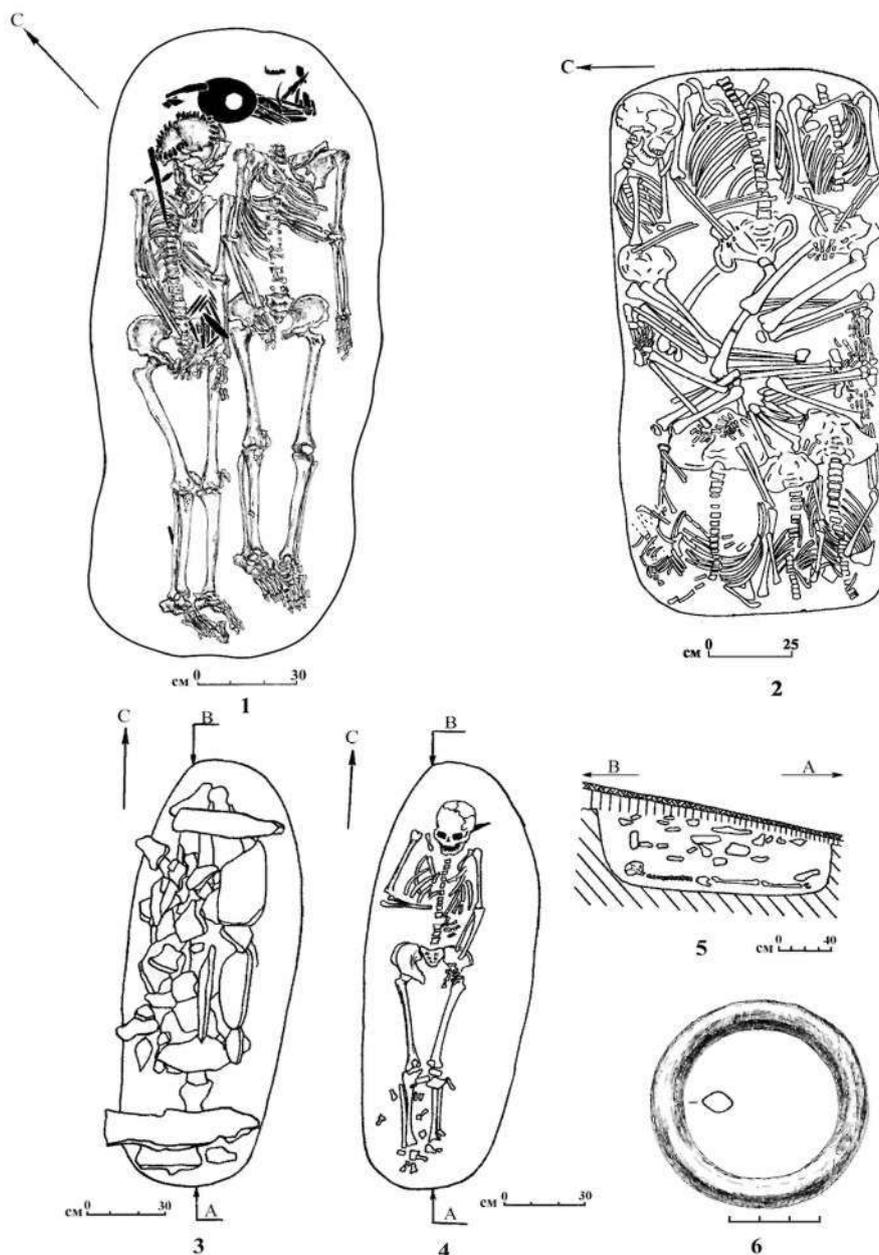

Рис. 8. Ранний неолит:

1. План парного захоронения из могилы № 17 (Шаманка II) (китайская традиция погребений). 2. План группового захоронения из могилы № 7 (Фофановский могильник) (фофановская или восточнобайкальская традиция погребений). 3. План надмогильной кладки могилы № 9 Макрушинского могильника. 4. План погребения из могилы № 9 Макрушинского могильника. 5. Продольный разрез могилы № 9 Макрушинского могильника (макрушинская или верхнеленская традиция погребений). 6. Кольцо из кальцита (могила № 21 из могильника Шаманка II). Рисунок 4–2 выполнен по М.М. Герасимову, 1978, с. 28, рис. 4–7.

Рисунки 4–3–5 выполнены по В.М. Ветрову, 1995, с.127, рис. 9 – 1, 2, 4

Fig. 8. Early Neolith:

1. Shamanka II cemetery: Plan of a double burial from the grave # 17 (Kitoy mortuary tradition).
 2. Fofanovskiycemetery: Plan of group burial from the grave # 7 (Fofanovoor Eastern Baikal mortuarytradition).
 3. Makrushino cemetery: Grave # 9 construction's plan. 4. Makrushino cemetery: Plan of the grave # 9 burial.
 5. Makrushino cemetery: Grave # 9 longitudinal section (Makrushino or Upper Lena mortuarytradition).
 6. Shamanka II cemetery: Calcite ring (grave # 21). Fig-s 4-2 according to M.M. Gerasimov, 1978, p. 28,fig.-s 4-7.
- Fig.-s 4 – 3-5 according to V.M. Vetrov,1995, p. 127, fig.-s 9 – 1.2.4

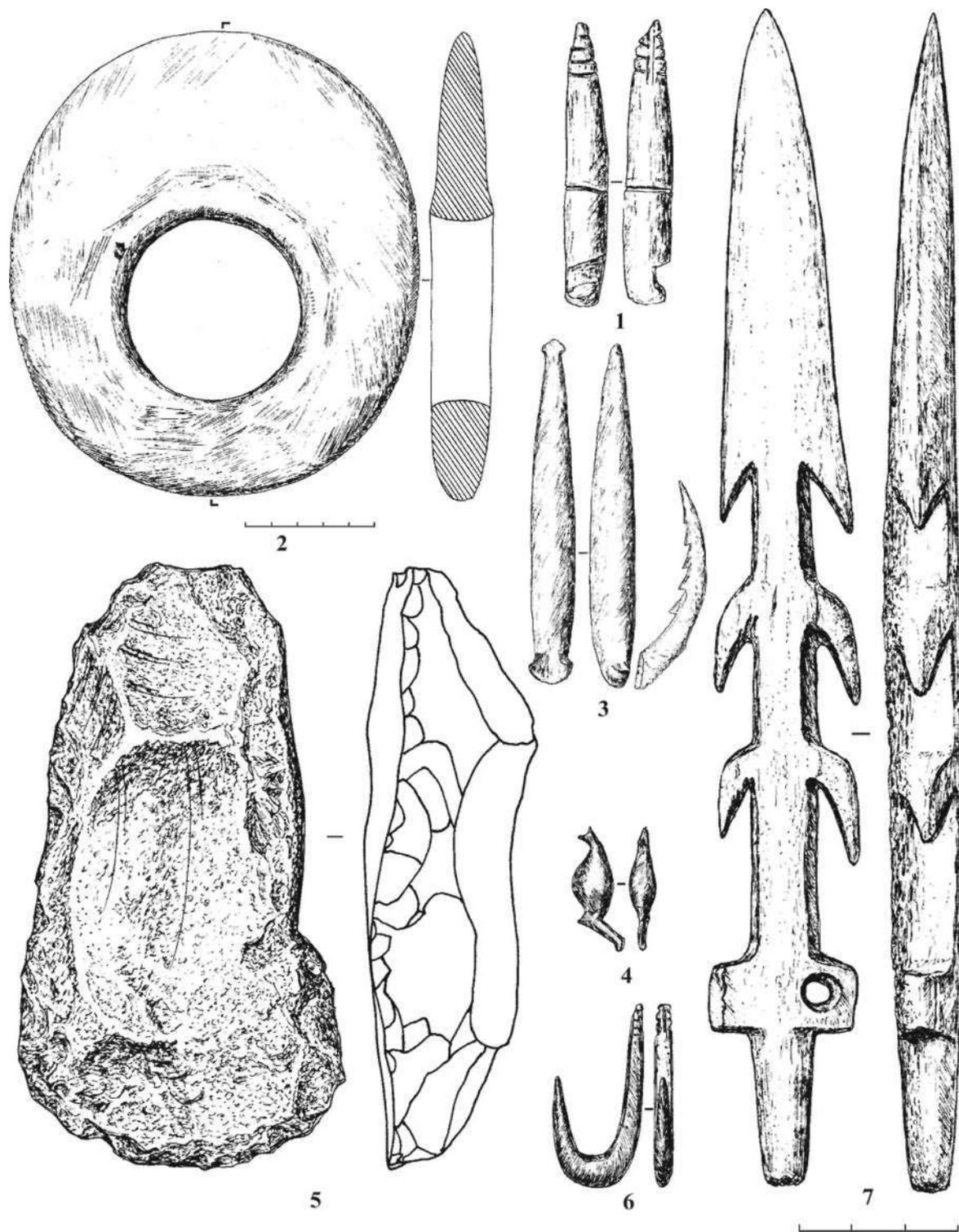

Рис. 9. Ранний неолит. Китайская традиция погребений. Сопроводительный инвентарь из могильника Шаманка II
 Fig. 9. Early Neolithic. Kitoy mortuary tradition. Shamanka II cemetery: Grave goods

В целом, могилы, относящиеся к китайской погребальной традиции, дислоцирующиеся в южном Прибайкалье, как уже было отмечено выше, включают 233 погребальных комплекса, в которых находились захоронения 363 индивидуумов. Могильники Локомотив и Шаманка II находятся на склонах с западной экспозицией и

довольно высокими гипсометрическими отметками (20–28 м и 36–46 м от уреза воды). Могильники Китойский, Усть-Белая и Галашиха расположены на невысоких возвышенностях и на террасах с высотными отметками 6–10 м от уровня водотоков. На всех местонахождениях определённое количество могил локализовано в рядах. Погребения совершались в грунтовых могильных ямах и надмогильными каменными кладками не сопровождалось. Внутреннее пространство ям камнями в абсолютном большинстве могил не заполнено (однослойное перекрытие погребённых камнями отмечено только в двух могилах могильника Шаманка II; стенки ямы одного из захоронений могильника Усть-Белая были обложены плоскими плитами). Труположение погребённых вытянутое на спине зафиксировано в 95 % вскрытых могил рассматриваемой группы. Редкие случаи захоронений в вытянутом положении на животе отмечены в могильнике Локомотив – 1, в могильнике Шаманка II – 3 и в Китойском могильнике – 1. Захоронения на спине и на боку с согнутыми и подогнутыми ногами прослежены на могильнике Шаманка II в 12 случаях и в могильнике Локомотив в 2 случаях. Среди захоронений Китойского могильника (местность Ярки) выявлено одно оригинальное погребение в «сидячем» положении (Хороших, 1979). Кроме того, в могильнике Шаманка II отмечены 3 вторичных захоронения в виде компактных скоплений костей (скелеты с полностью нарушенным анатомическим порядком). По количеству отдельных захоронений в одной могиле погребальные комплексы подразделяются на индивидуальные – 154, парные – 38 (одновременное помещение двух умерших в яму) (рис. 8 – 1), двойные, или впускные погребения – 6 (разновременное помещение двух умерших в одну яму), групповые погребения – 18 (одновременное помещение трех и более умерших в одну яму) и коллективные разновременные погребения – 9 (с последовательным подхоронением умерших в могилу). В 8 могилах, содержащих 2 и более погребённых, установить способ формирования совместного захоронения невозможно. На территории Байкальской Сибири раннеэнеолитические могилы с последовательным подхоронением умерших, представлены ярусными захоронениями с прослоями грунта между погребёнными. Групповые погребения сосредоточены, в основном, в могильниках Приангарья, причем наибольшее количество – 12, находилось в могильнике Локомотив. Коллективные разновременные (ярусные) погребения преобладают в могильнике Шаманка II. В парных, двойных, коллективных и групповых разновременных могилах погребённые расположены головами в одном направлении и по правилу антитезы – в разные стороны. Наиболее многочисленные могилы с расположением погребённых по правилу антитезы отмечены в могильниках Локомотив – 14 и Шаманка II – 5 (парные и групповые захоронения). Ориентировка головой на СВ преобладает в могильниках Шаманка II, Локомотив и Китойском, на могильнике Усть-Белая – на СЗ. В могильнике Галашиха ориентировка во всех случаях разная. В ритуале раннеэнеолитических погребений южного Прибайкалья довольно отчетливо прослеживается практика вторичного захоронения. В некоторых не потревоженных могилах рядом с ненарушенными костяками находятся подхороненные «чужие» части скелетов и отдельные человеческие кости. В могильнике Шаманка II отмечены также погребения с полностью нарушенным анатомическим порядком скелетов, где, как уже отмечалось выше, повторно захороненные кости были расположены в виде компактных скоплений. К вторичным погребальным практикам, видимо, следует отнести и отсутствие черепов во многих погребениях. Как показывают наблюдения, в одних случаях черепа могли изыматься после повторного вскрытия могил, в других – отчленяться от экскарнированных скелетов до захоронения (в некоторых могилах, содержащих посткраниальные скелеты, находящиеся в анатомическом порядке, шейные позвонки упирались в стенки ям и пространства для размещения черепа не оставалось). В связи с тем, что повреждение шейных позвонков ни в одном случае не отмечено, можно предположить, что черепа отчленялись от экскарнированных скелетов, находившихся как в могилах, так и на поверхности.

В погребальном ритуале могильника Шаманка II прослеживаются признаки культа, связанного с медведем (ветви нижних челюстей, клыки, коренные зубы и череп медведя в заполнении многих могильных ям), и культа, связанного с огнем (нарушенные в период функционирования могильника погребальные комплексы сопровождаются зольниками).

Важной чертой ритуала захоронений является засыпка днищ могильных ям, костных человеческих останков и погребального инвентаря охрой, фиксирующаяся в 96% могил.

Сопроводительный инвентарь в могильниках китойской традиции в большинстве случаев располагается в «богатых» могилах, видимо, в сумках за головой погребённых, справа или слева от грудной клетки, в области таза и реже в ногах. В могильнике Шаманка II скопления предметов довольно часто находятся под погребёнными (могилы №№ 15, 21, 51, 59). Количество предметов в отдельных могилах различно — от нескольких единиц до нескольких сотен предметов. В некоторых погребениях инвентарь отсутствовал вообще. Номенклатурный набор представляют 60–65 категорий предметов, что свидетельствует об отсутствии регламентации в снабжении умерших вещами. Особенно «богатыми» бывают некоторые мужские захоронения. Составные рыболовные крючки китойского типа (отмечены в 30 погребениях могильника Локомотив — около 1000 экземпляров, в 7 могилах Усть-Белой — 39 экземпляров, в 16 могилах Китойского могильника — примерно 170 экземпляров, в захоронениях могильника Галашиха и в 25 могилах могильника Шаманка II — 128 экземпляров), являются наиболее многочисленной и наиболее массовой категорией изделий, рассматриваемого массива погребальных комплексов (рис. 9 — 3, 4). Составные рыболовные крючки байкальского типа — 22 экз., с прямым стержнем (рис. 9 — 1), и цельнорезный костяной рыболовный крючок (рис. 9 — 6) отмечены только в могильнике Шаманка II. Бифасиально обработанные наконечники стрел из кремня и кварца (вторая массовая категория изделий) в количественном отношении уступают составным рыболовным крючкам, но, например, в могильнике Шаманка II их больше, чем составных рыболовных крючков — 130 экземпляров. Третьей по численности категорией изделий являются роговые и костяные гарпуны. Наиболее представительная (116 экземпляров) и морфологически разнообразная коллекция гарпунов отмечена в материалах могильника Шаманка II (рис. 9 — 7). Кроме упомянутых категорий сопроводительного инвентаря, рассматриваемых погребальных комплексах зафиксированы шлифованные и ретушированные рубящие орудия (рис. 9 — 5) и ножи из зеленого нефрита и кремнистого сланца, абразивные инструменты разнообразных форм из песчаника и мелкокристаллических пород, скребки, в том числе и дисковидные, проколки, загадочный дисковидный шлифованный предмет из змеевика (рис. 6 — 2), призматические пластины, отщепы, многочисленные заготовки из разных пород камня, составные вкладышевые клинки и ножи, ложки из рога, рубящие орудия из рога, костяные игольники с иглами, ножи из лопаток животных, разнообразные острия из кости и рога, роговые отжимники, фрагменты кости и рога (заготовки) и другие предметы. Украшения состоят из кальцитовых колец (рис. 8 — 6), подвесок из расщепленных клыков кабана, подвесок из клыков марала, овальных подвесок, вырезанных из кости, подвесок, колец и бус из перламутра и каолиновых бусин. Предметы мелкой пластики представлены резными скульптурами голов лосей из рога (Шаманка II, Локомотив, Китойский могильник, Усть-Белая), роговыми «ложками» с рукоятью, выполненной в виде головы лося (Шаманка II, Локомотив), подвеской в виде лежащего лося, выполненной из розового талька, костяными подвесками в виде плоских голов лосей (Шаманка II), рыбками-приманками из камня, скульптурными изображениями рыб из лопаток животных и кости, Г-образным роговым стержнем с навершием в виде головы нерпы (Шаманка II), изображением головы нерпы, оформленной на фрагменте талька (Локомотив). Керамические круглодонные сосуды с технологическими оттисками сетки-плетенки на внешней поверхности обнаружены в могильнике Локомотив (1 целый и 2 крупных фрагмента), в Китойском могильнике (1 целый) и в могильнике Шаманка II (1 целый и 2 крупных фрагмента) (рис. 10).

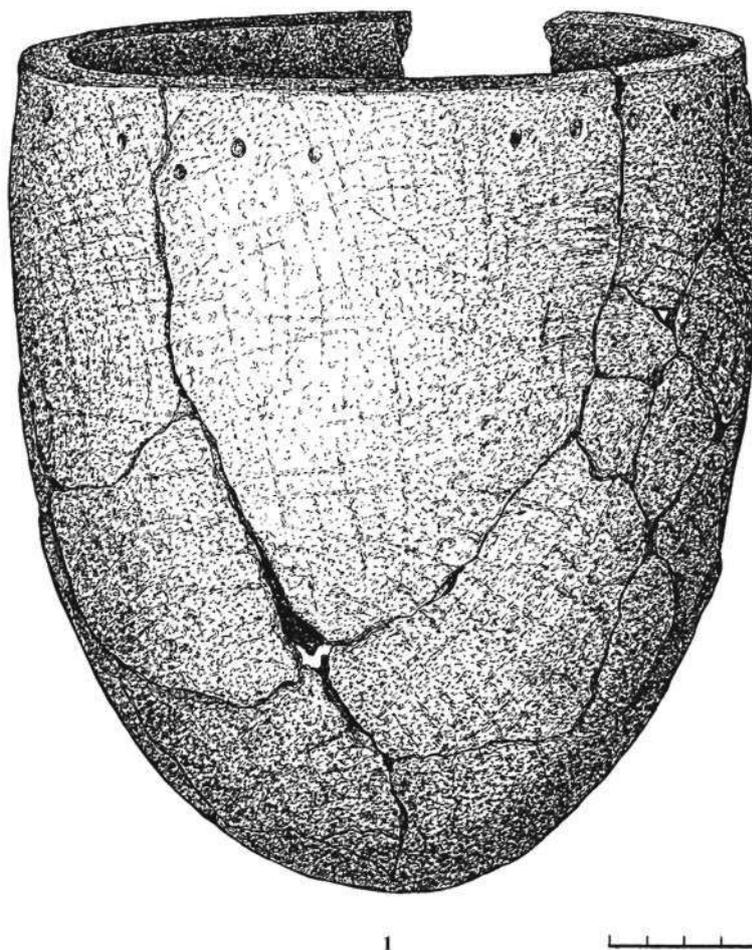

Рис. 10. Шаманка II. Могила № 62: сосуд (керамика)
 Fig. 10. Shamanka II cemetery. Grave № 62 a vessel (pottery)

В целом, могильники южного Прибайкалья – Шаманка II, Локомотив, Китойский, Усть-Белая и местонахождения отдельных погребений по таким признакам ритуала захоронений, как отсутствие надмогильных и внутримогильных конструкций из камня, вытянутое труположение, преобладание ориентировки погребённых головой на СВ, присутствие в сопроводительном инвентаре составных рыболовных крючков китойского типа, объединяются в одну группу. Гомогенность всех отмеченных погребальных комплексов не вызывает сомнения. Но, вместе с тем, они обладают весьма значительной дифференциацией в отдельных элементах ритуала захоронений и в некоторых морфотипологических показателях ряда категорий сопроводительного инвентаря.

Второй массив погребальных комплексов. *Восточнобайкальская группа* раннеолитических погребальных комплексов состоит из восьми могил Фофановского могильника, расположенного в дельте р. Селенги (восточное побережье оз. Байкал). Семь могил были раскопаны в 1959 г. и одна в 1991 г. (Герасимов, Черных, 1975: 23–32; Конев, 1996: 114–116). Захоронения дислоцируются на высотных отметках 26–38 м от уровня р. Селенги. Погребения производились в грунтовых могилах и надмогильными кладками не сопровождалась. Камни в заполнении ям отсутствовали. Труположение на спине и на боку с подогнутыми ногами. Ориентировка головой на ЮВ. В шести могилах зафиксированы индивидуальные погребения, в одной – совместное захоронение семи индивидуумов и в одной – совместное захоронение трех индивидуумов. В групповых могилах, судя по тому, что расположение погребённых одноплоскостное, захоронение, видимо, производилось одновременно. В могиле № 7 погребённые были расположены по правилу антитезы, причем

женщины и мужчины ориентированы в противоположном направлении. Все костяки юношей и взрослых индивидуумов (6) из этой могилы находились без черепов (с черепом был только скелет младенца) (рис. 8 – 2). Повреждение шейных позвонков посткраниальных скелетов не отмечено. В могиле № 4 выявлены в анатомическом порядке «чужие» локтевые кости вместе с костями кисти. Костные человеческие останки и сопроводительный инвентарь окрашены охрой. Сопроводительный инвентарь представлен составными вкладышевыми наконечниками, «киркой» из рога, костяным острием, скребком, кольцами из кальцита, подвесками из расщепленных клыков кабана и клыков марала и остатками разрушенных перламутровых пластин, роговой скульптуры головы лося (раскопки фофановского могильника последнего времени в данной работе не учитываются).

Погребальные комплексы, фофановской (восточнобайкальской) группы наряду с общими чертами с китойской традицией раннеолитических могил (отсутствие надмогильных и внутримогильных сооружений, использование в ритуале захоронений вторичных погребальных практик, расположение погребённых в могильной яме по правилу антitezы, предметы украшения, скульптурные изображения голов лосей) обладают рядом существенных отличительных признаков. К таким признакам относятся: трупоположение на спине и на боку с подогнутыми ногами, юго-западная ориентировка погребённых, отсутствие составных рыболовных крючков китойского типа, отсутствие бифасиально обработанных наконечников стрел и керамики.

Приольхонская (западнобайкальская) группа состоит из семи могил могильника Хоторук (Конопацкий, 1982; Асеев, 2003), трех могил из бухты Улан-Хада (Улан-Хада IV) (Комарова, Шер 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992), оригинального погребения № 3 (1972 г.) могильника Шаманский мыс на острове Ольхон (Конопацкий, 1982) и шести могил из могильника Курма XI (Вебер, Горюнова, 2005). Все местонахождения погребальных комплексов расположены на значительном расстоянии одно от другого. Наиболее крупный могильник – Хоторук, раскопан А.К. Конопацким, И.В. Асеевым в 1977, 1978 гг. Данные о группе из шести раннеолитических могил, раскопанных в процессе полевых исследований О.И. Горюновой и А.В. Вебером, могильника эпохи ранней бронзы Курма XI носят предварительный характер. Возраст могил определен только на основании дат ^{14}C (Weber et al. 2006; Вебер, Горюнова, 2005). Погребальные комплексы расположены на юго-восточном склоне северо-западного побережья Малого Моря оз. Байкал, на высоте примерно 30 м от уреза воды. Могилы сопровождаются кладками. Внутреннее пространство ям заполнено камнями. Трупомещение вытянутое на спине и в одном случае на боку со слегка согнутыми ногами. Ориентировка головой на СЗ. Окраска охрой отсутствует. Сопроводительный инвентарь состоит из призматических микропластин (Вебер, Горюнова, 2005).

На четырех раннеолитических местонахождениях Приольхонья к настоящему времени вскрыто 17 погребальных комплексов, в которых зафиксированы костные останки 19 индивидуумов. Все погребения сопровождаются надмогильными кладками. Внутримогильные перекрытия отмечены в могильниках Хоторук, Курма XI и в могиле № 3 (1972 г.) Шаманский мыс. Перекрытие погребённого берестой выявлено только в могиле № 3 (1972 г.). Курма XI, Улан-Хада IV и Шаманский мыс (№ 3, 1972 г.) представлены только индивидуальными захоронениями. Совместные погребения двух индивидуумов зафиксированы в могилах № 3 и № 5 могильника Хоторук. В могиле № 3 погребённые располагались в два яруса, а в могиле № 5 второй костяк в виде компактного скопления костей находился под южной стенкой ямы, в ногах погребённого, лежавшего на правом боку с подогнутыми ногами. Групповая (тройная ярусная) могила только одна (№ 2, могильник Хоторук). Вытянутое на спине трупоположение прослежено в 5? случаях могильника Курма XI (раннеолитическая группа) и в одном случае в могильнике Улан-Хада IV (№ 12). Трупоположение на боку с согнутыми ногами отмечено в пяти случаях (могильник Хоторук). На спине с согнутыми ногами погребённые были расположены в могиле № 3 (1972 г.), в

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

могиле № 15 (Улан-Хада IV) и в могилах № № 1, 4, 7 (Хоторук). Компактные скопления человеческих костей (вторичные захоронения?) зафиксированы в трех могилах могильника Хоторук. Ориентировка погребённых головой на СЗ отмечена в могильниках Курма XI и Улан-Хада IV. В могиле № 3 (1972 г.) погребенный головой был ориентирован на СВВ. В могильнике Хоторук преобладает направление захороненных головой на С (№ 3 на ССВ). Ориентировка погребенных по правилу антитезы – головой на С и на Ю прослежена в могиле № 2 (Хоторук). Присутствие охры в виде полной окраски днищ ям и костных человеческих останков или в виде отдельных окрашенных в красный цвет пятен отмечено во всех местонахождениях за исключением могил раннеолитической группы могильника Курма XI. Сопроводительный инвентарь трех раннеолитических местонахождений Приольхонья довольно скуден. В могильнике Улан-Хада IV не обнаружено ни одного предмета, в захоронениях могильника Курма XI зафиксированы только призматические микропластины, в погребениях могильника Хоторук выявлены плечиковый топор, скребок, однопазовая обойма составного вкладышевого орудия, подвеска из клыка кабана и подвески из клыков марала. Четвертое местонахождение – погребение № 3 (1972 г.) из могильника Шаманский мыс – содержало «богатый» сопроводительный инвентарь. В заполнении ямы находился сосуд с технологическими оттисками сетки-плетенки, орнаментированный круглыми вдавлениями вдоль венчика и скелеты двух собак. На уровне костяка обнаружены 15 стержней рыболовных крючков китойского типа и 2 стержня (один изогнутый) составных рыболовных крючков байкальского типа, наконечники стрел, абразивы, ножи, скребок, небольшое шлифованное тесло, однопазовая обойма составного вкладышевого орудия, гарпуны, острия из кости, роговая ложка, клык кабана, массивное острие из расщеплённого вдоль рога и т.д.

В итоге четыре рассмотренных местонахождения раннеолитических могил объединяются только признаком присутствия надмогильных каменных кладок. Все остальные признаки ритуала захоронений варьируют внутри этой региональной группы. Наличие надмогильных и внутримогильных конструкций не характерно для рассмотренных выше китойской и фофановской групп, но отмечено в большинстве остальных погребальных комплексов (долина верхней Лены и Приангарье ниже устья р. Белой). Труположение на спине и на боку с подогнутыми ногами (Хоторук, могила № 3 (1972 г.) Шаманский мыс, и могила № 15 Улан-Хада IV) характерно для Фофановского могильника и небольшого количества погребений могильника Шаманка II. Вытянутое на спине труположение (Курма XI) отмечено в большинстве могил китойской и верхнеленских групп. Ориентировка погребённых головой на СЗ (Курма XI, Улярба IV) зафиксирована в могильнике Усть-Белая и в группе из четырёх могил могильника Шаманка II. Головой на север (Хоторук) ориентированы погребенные из позднемезолитических погребальных комплексов и некоторых могил раннего неолита. На СВВ ориентирована группа из 11 погребенных в могильнике Локомотив. Расположение погребенных по правилу антитезы (Хоторук) отмечено в китойской и восточнobaйкальской группах раннеолитических могил. Захоронение собаки вместе людьми (№ 3, 1972 г., Шаманский мыс) зафиксировано пока только в групповой могиле № 26 могильника Шаманка II. Сопроводительный инвентарь из наиболее «богатой» могилы № 3 (1972 г.) Шаманского мыса по морфотипологическим показателям аналогичен инвентарю могильника Шаманка II. Призматические микропластины из раннеолитической группы захоронений могильника Курма XI, видимо, более близки к инвентарю позднемезолитических могил. Топор с плечиками из могильника Хоторук не находит аналогий в инвентаре могил рассматриваемого периода.

Раннеолитические погребальные комплексы Приольхонья отличаются от рассмотренных выше китойской и фофановской групп, прежде всего, присутствием надмогильных и внутримогильных (за исключением Улан-Хады IV) сооружений. Остальные признаки ритуала захоронений и морфотипологические показатели сопроводительного инвентаря соотносятся с другими группами погребений только в отдельных сочетаниях.

Верхнеленская, «макрушинская», группа раннеолитических могил включает погребения №№ 1, 2, 5, 9, 22 могильника Макрушино, вскрытые в 1989, 1992–1995 гг. В.М. Ветровым и В.В. Алтуховым (Ветров и др. 1995: 112–132), а также могилы, раскопанные в 20–30-е годы XX века А.П. Окладниковым на правом берегу р. Лены в деревне Юшино – две, д. Картухай – одна, в устье р. Старый Качуг – одна и в долине р. Манзурки в улусе Степно-Балтайском – одна (Окладников, 1950, рис. 127; 1978: 106) – всего 10 могил. Погребальные комплексы этой группы сопровождаются каменными кладками (рис. 8 – 3). Внутреннее пространство ям в большинстве могил заполнено камнями (рис. 8 – 5). Труположение, за исключением могилы № 1 Макрушинского могильника (погребенный находился на спине с согнутыми ногами), вытянутое на спине (рис. 8 – 4). В девяти погребальных комплексах отмечены индивидуальные захоронения взрослых индивидуумов и в одном (Юшино) – тройное погребение двух взрослых и ребёнка. Ориентировка погребённых головой, в основном на СВ. Костные человеческие останки и инвентарь окрашены охрой. Сопроводительный инвентарь представлен односторонними гарпунами, бифасиально обработанным теслом, ножом, оформленным на кремневой плитке, плоскими роговыми пластинами, костяными игольниками, стержнями и остриями, кальцитовыми кольцами, резцами тарбагана, сегментами перламутровых браслетов, многочисленными отщепами, призматическими пластинами и некоторыми другими изделиями. Предметы мелкой пластики состоят из резного скульптурного изображения рыбы, выполненного из лопатки животного.

Верхнеленская, «макрушинская», группа отличается от «китойской» и «фофановской», прежде всего, присутствием надмогильных и внутримогильных сооружений и отсутствием проявлений вторичных погребальных практик. В погребениях этой группы так же, как и в «фофановской», отсутствуют составные рыболовные крючки китойского типа и каменные бифасиально обработанные наконечники стрел.

Североверхнеленская группа состоит из 11 погребений могильника Турука, расположенного на правом берегу р. Лены напротив устья р. Туруки, выше по течению устья р. Куты (Базалийский, Инешин, 1993). Вопрос о присутствии или отсутствии надмогильных кладок остаётся открытым, так как могильник находился на территории деревни, возле овощехранилища, и кровля ям была распахана. Внутримогильные конструкции не отмечены. Погребённые находились в 10 случаях в вытянутом положении на спине и в одном – в вытянутом положении на животе. Ориентировка головой идентичная – на запад, вниз по течению р. Лены. В составе инвентаря имеется небольшое количество стержней рыболовных крючков китойского типа, бифасиально обработанные наконечники стрел, шлифованные и нешлифованные (обработанные с помощью обивки и ретуши) рубящие орудия, оригинальные гарпуны, встреченные только в материалах рассматриваемого могильника, составные вкладышевые орудия, игольчатые острия разных модификаций и т.д. С учётом разрушенных в процессе строительства овощехранилища могил, могильник, состоял из 15 погребальных комплексов. По признакам ритуала захоронений и морфотипологическим признакам погребального инвентаря, этот могильник наиболее близок китойской традиции погребений за исключением ориентировки и некоторых категорий сопроводительного инвентаря (гарпуны, нешлифованные рубящие орудия, отсутствие керамики).

Определённым своеобразием обладают и не вошедшие в рассмотренные группы отдельные погребальные комплексы. Могила Никольское II, раскопанная автором данной статьи на правом берегу р. Лены, на расстоянии 1,5 км ниже д. Шишкино, сочетает признаки погребений «макрушинской» группы и могильника Турука. Здесь наряду с перекрытием ямы надмогильной кладкой отмечена западная ориентировка погребённого и присутствие составных рыболовных крючков китойского типа (Базалийский, 1987). Ещё одна могила, раскопанная в долине р. Лены, примерно в 150 км ниже по течению устья р. Туруки, около д. Подымахино (парное захоронение мужчины и женщины), также отмечена надмогильной

кладкой, но погребенные головами были ориентированы вверх по течению реки и составные рыболовные крючки китойского типа отсутствовали (Базалийский, Задонин, 1996: 28–32).

Отдельные могилы, расположенные ниже по течению р. Ангары китойской группы могильников (ниже устья р. Белой) – № 43 могильника Усть-Ида I, Распутино (2 могилы), № 16 (1957 г.) Серовского могильника – отмечены присутствием надмогильных каменных кладок. В могилах № 43 Усть-Ида I и Распутино зафиксированы составные рыболовные крючки китойского типа и объемные скульптурные изображения человеческих голов из камня (Распутино). Кроме того, в могиле № 16 Серовского могильника прослежено частичное трупосожжение (Тютрин, Базалийский, 1996; Окладников, 1976). В целом, следует подчеркнуть неоднородность и мозаичность погребальных традиций второго массива могил раннего неолита.

В 70-е годы XX в. иркутскими археологами была сформулирована гипотеза, интерпретирующая китойские комплексы не как этап развития неолита, а как локальную культуру, ареалом распространения которой являются южные районы оз. Байкал и юг Приангарья (Медведев, Савельев, 1973; Георгиевская, 1989). Широкомасштабные исследования погребальных комплексов 80-90-х годов XX в., а также начала XXI в. позволили уточнить восточную границу распространения могил китойской традиции (погребения первого массива) по юго-западному побережью оз. Байкал (могильник Шаманка II), включая Тункинскую долину, где на левом берегу р. Иркут было случайно обнаружено захоронение с характерными обрядовыми признаками. Присутствие крупных могильников свидетельствует о существовании в эпоху раннего неолита на довольно ограниченной территории густонаселенного анклава со сложной, судя по разнообразию погребальной практики, социальной структурой. Имеющиеся материалы по позднему мезолиту не демонстрируют предпосылок к автохтонному формированию этой ранненеолитической культуры. Согласно палеоантропологическим исследованиям, китойцы выпадают из Прибайкальского континиума: «череп из китойских могильников на фоне серовцев и глазковцев выглядят инородной группой» (Мамонова, 1973: 23). Эти данные подтверждаются изучением митохондриальной ДНК. Анализ материалов из могильников Локомотив и Шаманка II показал, что генетически китойцы достаточно далеки от поздненеолитического населения Байкальской Сибири и «вероятнее всего, не имеют общего происхождения по материнской линии». ДНК палеопопуляций китойцев наиболее сходен с ДНК кетов и шорцев (Mooder et al., 2006). Согласно анализу стабильных изотопов C13 и N15 (образцы взяты из могильников Локомотив и Шаманка II), основой рациона ранненеолитического населения была рыба, а другие местные пищевые ресурсы, в том числе и мясо млекопитающих, употреблялись в меньших объемах. Значения изотопов из материалов могильника Локомотив очень близки к таковым с побережья озера Байкал (Katzenberg, Weber, 1999; Weber, Link, Katzenberg, 2002). Изучение признаков остеоартрита (Локомотив, Шаманка II), одного из наиболее показательных индикаторов, отражающих физическую активность, показывает, что в раннем неолите было распространено поражение коленных суставов у мужчин и позвоночника у женщин, свидетельствующее о высокой активности населения, связанной с добыванием пищи и каменного сырья. Судя по результатам этих исследований, можно предположить что, китойцы совершали длительные переходы на значительные расстояния, связанные с доступностью ресурсов в разное время года (Lieverse et al, 2007). Вопрос происхождения китойцев остается открытым. Гипотезы Н.Н. Мамоновой, Л.П. Хлобыстина, В.Н. Чернецова и др. больше основаны на интуиции из-за незначительного количества фактических материалов, исследованных на сопредельных территориях. С учетом дислокации китойского анклава важно было бы иметь сравнительные материалы с озера Хубсугул, Северной Монголии, с территорий расположенных к востоку и юго-востоку от оз. Байкал, но таковые в отмеченных регионах в достаточных объемах пока отсутствуют. Китойская традиция погребений не нашла продолжения в обрядах захоронений позднего неолита. Результаты датирования ¹⁴C свидетельствуют о том, что эта традиция

Таблица 5

Даты ^{14}C по могилам позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири

I. Поздний мезолит

№ п/п	Местонахождение (могильник)	Могила №	Костяк №	Лит-ный источник	Традиция погребений	Дата ^{14}C	Лаборатория
1	Локомотив	R-8	1-й позвонок К-2	Weber et al. 2006	Хиньская	7840±70	ТО-10507
2	Локомотив	R-8	Фр-т кости фаланги пальца К-1	Weber et al. 2006; Bazaliiskii, Savel'ev 2003	Хиньская	7750±70 7750±70	ТО-06482 ГИН-6482

II. Финальный мезолит

№ п/п	Местонахождение (могильник)	Могила №	Костяк №	Лит-ный источник	Традиция погребений	Дата ^{14}C	Лаборатория
1	Локомотив	R-8	Волк	Weber et al. 2006; Bazaliiskii, Savel'ev, 2003	Щукинская хронолог. группа	7320±70 7230±40	ТО-11558 ГИН-8841a
2	Нижняя Джиллида	1	1	Ветров и др., 1993	-/-	7230±40	ГИН-4051
3	Ул. Долгополова	1	1	-	-/-	7520±70	ТО-13193

III. Ранний неолит

№ п/п	Местонахождение (могильник)	Могила №	Костяк №	Лит-ный источник	Традиция погребений	Дата ^{14}C	Лаборатория
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Шаманка II	4	1	Туркин, Харинский, 2004	Китайская	6600±180	ГИН-010209
2	Шаманка II	6	1	-/-	Китайская	6090±130	ГИН-010208
3	Шаманка II	7	1	Weber et al. 2006	Китайская	6040±70	ТО-11051
4	Шаманка II	8	1	-/-	-/-	7020±60 6570±80	ТО-11060 ГИН-11228
5	Шаманка II	10	1	-/-	-/-	7140±60	ТО-11062
6	Шаманка II	11	1	-/-	-/-	6300±90	ГИН-11231
7	Шаманка II	11	2	-/-	-/-	6640±70 6860±70	ТО-11053 ТО-11057

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
8	Шаманка II	12	1	-/-	-/-	6680±70	ТО-11686
9	Шаманка II	13	1	-/-	-/-	6730±70	ТО-11550
10	Шаманка II	13	2	-/-	-/-	6610±80	ТО-11549
11	Шаманка II	13	3	-/-	-/-	6890±60	ТО-11039
12	Шаманка II	14	1	-/-	-/-	6560±50	ТО-11043
13	Шаманка II	14	2	-/-	-/-	6870±70	ТО-11049
14	Шаманка II	15	1	-/-	-/-	6870±60	ТО-11052
15	Шаманка II	16	1	-/-	-/-	6450±70	ТО-11056
16	Шаманка II	17	1	-/-	-/-	6770±70	ТО-11046
17	Шаманка II	17	1	-/-	-/-	6870±70	ТО-11552
18	Шаманка II	17	2	-/-	-/-	6860±70	ТО-11551
19	Шаманка II	17	2	-/-	-/-	6910±70	ТО-11050
20	Шаманка II	18	1	-/-	-/-	6790±60	ТО-11044
21	Шаманка II	19	1	-/-	-/-	6830±70	ТО-11045
22	Шаманка II	21	1	-/-	-/-	6530±50	ТО-11064
23	Шаманка II	21	2	-/-	-/-	6430±50	ТО-11041
24	Шаманка II	21	3	-/-	-/-	6920±60	ТО-11063
25	Шаманка II	22	1	-/-	-/-	6110±60	ТО-11058
26	Шаманка II	23	1	-/-	-/-	6340±70	ТО-11047
27	Шаманка II	23	2	-/-	-/-	6840±60	ТО-11040
28	Шаманка II	23	2	-/-	-/-	7090±70	ТО-11555
29	Шаманка II	23	4	-/-	-/-	6690±70	ТО-11054
30	Шаманка II	23	4	-/-	-/-	7130±70	ТО-11554
31	Шаманка II	23	5	-/-	-/-	6740±60	ТО-11059
32	Шаманка II	24	1	-/-	-/-	6960±70	ТО-11048
33	Шаманка II	24	2	-/-	-/-	6010±70	ТО-11553
34	Шаманка II	24	2	-/-	-/-	6680±100	ТО-11061
35	Шаманка II	25	1	-/-	-/-	6610±60	ТО-11537
36	Шаманка II	26	1	-/-	-/-	6134±70	ТО-11528
37	Шаманка II	26	2	-/-	-/-	4880±130	ТО-11529
38	Шаманка II	26	3	-/-	-/-	6250±60	ТО-11531
39	Шаманка II	26	5	-/-	-/-	5270±60	ТО-11530
40	Шаманка II	27	1	-/-	-/-	7010±70	ТО-11533
41	Шаманка II	27	2	-/-	-/-	6970±70	ТО-11534

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
42	Шаманка II	27	3	-/-	-/-	6820±70	ТО-11535
43	Шаманка II	28	-	-/-	-/-	6260±70	ТО-11539
44	Шаманка II	29	1	-/-	-/-	6730±70	ТО-11532
45	Шаманка II	30	-	-/-	-/-	6190±60	ТО-11536
46	Шаманка II	31	-	-/-	-/-	5250±70	ТО-11541
47	Шаманка II	32	-	-/-	-/-	6620±80	ТО-11527
48	Шаманка II	33	-	-/-	-/-	6790±70	ТО-11538
49	Шаманка II	38	-	-/-	-/-	6820±70	ТО-11542
50	Локомотив	L-2	1	-/-	-/-	5700±50	ТО-10153
51	Локомотив	L-2	2	-/-	-/-	6810±60	ТО-10505
52	Локомотив	L-2	3	-/-	-/-	6620±60	ТО-10173
53	Локомотив	L-2	4	Weber et al. 2006; Bazaliiskii, Savel'ev, 2003	-/-	7040±60 6350±170	ТО-10109 ГИН-5360
54	Локомотив	L-3	-	Weber et al. 2006	-/-	6290±50	ТО-10181
55	Локомотив	L-4	-	-/-	-/-	6550±60	ТО-10110
56	Локомотив	L-5	-	-/-	-/-	6820±70	ТО-10171
57	Локомотив	L-6	-	-/-	-/-	7140±130	ТО-10179
58	Локомотив	L-7	-	-/-	-/-	6490±80	ТО-10156
59	Локомотив	L-8	-	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6670±70 6870±70	ТО-10152 ГИН-3329
60	Локомотив	L-9	-	Weber et al. 2006	-/-	6610±90	ТО-10155
61	Локомотив	L-10	1	-/-	-/-	5140±60	ТО-10111
62	Локомотив	L-10	2	-/-	-/-	6720±60	ТО-10112
63	Локомотив	L-10	3	-/-	-/-	6890±70	ТО-10166
64	Локомотив	L-10	4	-/-	-/-	6770±70	ТО-10165
65	Локомотив	L-10	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6780±80	ГИН-3330
66	Локомотив	L-11	-	Weber et al. 2006	-/-	6430±60	ТО-10113
67	Локомотив	L-12	-	-/-	-/-	6820±70	ТО-10164
68	Локомотив	L-13	-	-/-	-/-	6130±60	ТО-10158

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
69	Локомотив	L-14	1	-/-	-/-	6750±60	ТО-10114
70	Локомотив	L-14	2	-/-	-/-	6550±60	ТО-10115
71	Локомотив	L-14	2	-/-	-/-	6320±80	ТО-10522
72	Локомотив	L-14	3	-/-	-/-	6620±60	ТО-10168
73	Локомотив	L-14	4	-/-	-/-	6470±70	ТО-10502
74	Локомотив	L-14	4	-/-	-/-	6710±70	ТО-10503
75	Локомотив	L-14	4	-/-	-/-	6310±60	ТО-10489
76	Локомотив	L-14	5	-/-	-/-	6360±70	ТО-11525
77	Локомотив	L-15	-	-/-	-/-	6480±60	ТО-10116
78	Локомотив	L-16	-	-/-	-/-	6680±60	ТО-10117
79	Локомотив	L-17	-	-/-	-/-	6480±60	ТО-10118
80	Локомотив	L-18	-	-/-	-/-	6520±70	ТО-10151
81	Локомотив	L-19	-	-/-	-/-	6610±60	ТО-10119
82	Локомотив	L-20	1	-/-	-/-	6610±60	ТО-10120
83	Локомотив	L-20	2	-/-	-/-	6870±70	ТО-10121
84	Локомотив	L-21	-	-/-	-/-	6680±70	ТО-10163
85	Локомотив	L-22	1	Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6700±150	ГИН-3333
86	Локомотив	L-22	2	Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6740±180	ГИН-3331
87	Локомотив	L-22	2	Weber et al. 2006	-/-	6550±70	ТО-11556
88	Локомотив	L-22	3	-/-	-/-	6490±70	ТО-11685
89	Локомотив	L-22	5	-/-	-/-	6660±100	ТО-10147
90	Локомотив	L-23	-	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6710±60 6750±60	ТО-10122 ГИН-4033
91	Локомотив	L-24	1	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6660±60 6830±80	ТО-10123 ГИН-4034
92	Локомотив	L-24	2	Weber et al. 2006	-/-	6620±60	ТО-10124

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
93	Локомотив	L-24	3	-/-	-/-	6520±70	ТО-10125
94	Локомотив	L-24	4	-/-	-/-	6540±60	ТО-10493
95	Локомотив	L-24	4	-/-	-/-	6440±60	ТО-10126
96	Локомотив	L-24	4	-/-	-/-	6600±70	ТО-10180
97	Локомотив	L-24	5	-/-	-/-	6440±60	ТО-10127
98	Локомотив	L-25	1	-/-	-/-	6280±70	ТО-10161
99	Локомотив	L-25	2	-/-	-/-	6380±60	ТО-10172
100	Локомотив	L-25	3	-/-	-/-	6410±70	ТО-10490
101	Локомотив	L-25	4	-/-	-/-	6540±60	ТО-10128
102	Локомотив	L-25	5	-/-	-/-	6670±60	ТО-10497
103	Локомотив	L-26	-	-/-	-/-	6590±60	ТО-10129
104	Локомотив	L-27	-	-/-	-/-	6790±70	ТО-10169
105	Локомотив	L-28	-	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержикский, 1989	-/-	6380±60 6820±100	ТО-10130 ГИН-4035
106	Локомотив	L-29	-	Weber et al. 2006	-/-	6780±60	ТО-10131
107	Локомотив	L-30	1	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержикский, 1989	-/-	6800±110 6100±200	ТО-10132 ГИН-5359
108	Локомотив	L-30	2	Weber et al. 2006	-/-	6580±60	ТО-10133
109	Локомотив	L-31	1	-/-	-/-	6870±60	ТО-10134
110	Локомотив	L-31	2	-/-	-/-	6950±60	ТО-10135
111	Локомотив	L-33	-	-/-	-/-	7250±90	ТО-10136
112	Локомотив	L-34	-	-/-	-/-	6630±60	ТО-10137
113	Локомотив	L-35	-	-/-	-/-	6700±230	ТО-10138
114	Локомотив	L-36	-	-/-	-/-	6600±70	ТО-10139
115	Локомотив	L-37	-	-/-	-/-	6700±70	ТО-10140
116	Локомотив	L-38	1	-/-	-/-	6700±80	ТО-10141
117	Локомотив	L-38	2	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержикский, 1989	-/-	6720±70 6670±80	ТО-10142 ГИН-5773

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
118	Локомотив	L-39	-	Weber et al. 2006	-/-	6720±60	ТО-10177
119	Локомотив	L-40	-	-/-	-/-	6810±60	ТО-10176
120	Локомотив	L-41	1	-/-	-/-	6820±60	ТО-10174
121	Локомотив	L-41	2	-/-	-/-	6700±50	ТО-10182
122	Локомотив	L-41	3	-/-	-/-	6870±80	ТО-10143
123	Локомотив	L-42	-	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	7140±70 6460±80	ТО-10144 ГИН-6825
124	Локомотив	L-43	1	Weber et al. 2006	-/-	6710±60	ТО-10504
125	Локомотив	L-43	2	Weber et al. 2006	-/-	6850±60	ТО-10175
126	Локомотив	L-44	1	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6800±80 6470±120	ТО-10145 ГИН-7527
127	Локомотив	L-44	2	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6740±60 5210±70	ТО-10146 ГИН-7529
128	Локомотив	R-1	-	Weber et al. 2006	-/-	6700±60	ТО-10183
129	Локомотив	R-3	1	-/-	-/-	6670±60	ТО-10185
130	Локомотив	R-5	-	-/-	-/-	6603±70	ТО-11523
131	Локомотив	R-6	1	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6690±60 6540±100	ТО-10186 ГИН-7112
132	Локомотив	R-6	2	Weber et al. 2006	-/-	6680±60	ТО-10492
133	Локомотив	R-7	1	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	7110±180 6300±120	ТО-10186 ГИН-8450
134	Локомотив	R-7	2	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6670±70 6280±80	ТО-10187 ГИН-8449

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
135	Локомотив	R-7	3	Weber et al. 2006	-/-	6650±60	ТО-10494
136	Локомотив	R-9	-	-/-	-/-	6950±70	ТО-10501
137	Локомотив	R-10	-	-/-	-/-	6410±100	ТО-10191
138	Локомотив	R-11	1	-/-	-/-	6750±70	ТО-10189
139	Локомотив	R-11	1	-/-	-/-	6829±100	ТО-10190
140	Локомотив	R-12	-	-/-	-/-	6520±80	ТО-10192
141	Локомотив	R-13	1	-/-	-/-	6610±60	ТО-10488
142	Локомотив	R-13	2	-/-	-/-	6630±60	ТО-10495
143	Локомотив	R-13	3	-/-	-/-	6690±70	ТО-10500
144	Локомотив	R-13	4	-/-	-/-	6650±70	ТО-10498
145	Локомотив	R-14	-	Weber et al. 2006; Bazaliiskii, Savel'ev, 2003	-/-	6660±160 6200±240	ТО-10184 ГИН-10206
146	Локомотив	R-15	-	Weber et al. 2006; Bazaliiskii, Savel'ev, 2003	-/-	6270±70 6207±200	ТО-10499 ГИН-10207
147	Устье Китоя, Ярки	-	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6640±50	ГИН-4032
148	Устье Китоя, Ярки	6	-	-/-	-/-	7990±350	ГИН-4469
149	Калашиха	3	-	-/-	-/-	6370±60	ГИН-4100
150	Галашиха	5	1	Бердникова, 2001	-/-	6225±150	СОАН-4014
151	Галашиха	5	2	-/-	-/-	6170±65	СОАН-4015
152	Усть-Белая	3	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	6200±80	ГИН-4810
153	Усть-Белая	4	-	-/-	-/-	6560±80	ГИН-4365
154	Усть-Белая	10	-	-/-	-/-	6760±160	ГИН-4126
155	Усть-Белая	11	-	-/-	-/-	6170±400	ГИН-4486
156	Усть-Ида I	43	-	Weber et al. 2006; Тюгрин, Базалийский, 1996	?	6470±80 7090±80 6910±120	ТО-10325 ТО-11557 ГИН-7285

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
157	Фофаново	2	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989	Фофановская группа	6720±70	ГИН-4127
158	Фофаново	5	-	-/-	-/-	6640±140	ГИН-4470
159	Фофаново	6	-	-/-	-/-	6670±100	ГИН-4472
160	Фофаново	7	1	-/-	-/-	6830±60	ГИН-4476
161	Фофаново	7	3	-/-	-/-	6780±120	ГИН-4471
162	Фофаново	7	4	-/-	-/-	7610±210	ГИН-4477
163	Фофаново	7	5	-/-	-/-	7040±100	ГИН-4129
164	Фофаново	7	6	-/-	-/-	7000±60	ГИН-4130
165	Фофаново	7	7	-/-	-/-	6450±50	ГИН-4131
166	Фофаново	7	7	-/-	-/-	6780±110	ГИН-4478
167	Хоторук	2	1	-/-	Приольхонская группа	7370±250	ГИН-4107
168	Хоторук	2	1	Weber et al. 2006	-/-	7020±70	ТО-4824
169	Хоторук	2	3	-/-	-/-	6770±60	ТО-4826
170	Хоторук	5	1	-/-	-/-	6550±70	ТО-4825
171	Шаманский Мыс (Ольхон)	3 (1972)	-	Конопацкий, 1982	-/-	6550±35	СОАН-790
172	Шаманский Мыс (Ольхон)	3 (1972)	-	Weber et al. 2006	-/-	6310±80	ТО-10311
173	Курма XI	21	-	Weber et al. 2006	-/-	6450±80	ТО-11680
174	Курма XI	22	-	-/-	-/-	6340±120	ТО-11681
175	Курма XI	24	-	-/-	-/-	5850±70	ТО-11682
176	Макрушино	1	-	Weber et al. 2006; Ветров и др., 1995	Макрушинская	6920±70 7340±120	ТО-4817 ГИН-6288
177	Макрушино	2	-	Weber et al. 2006; Ветров и др., 1995	-/-	6720±70 6730±80	ТО-4818 ГИН-6816
178	Макрушино	9	-	Ветров и др., 1995	-/-	6520±50	ГИН-7765
179	Никольские скалы (Шишкино)	1	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989	?	6300±50	ГИН-4553

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
180	Турука	1	-	-/-	?	6630±90	ГИН-7764
181	Турука	3	-	Weber et al. 2006; Мамонова, Сулержицкий, 1989	?	7020±80 6160±200	ТО-4820 ГИН-7287
182	Турука	4	-	Weber et al. 2006	?	6720±80	ТО-4821
183	Подымахино	1	-	Мамонова, Сулержицкий, 1989	?	7120±100	ГИН-6830

IV. Поздний неолит

№ п/п	Местонахождение (могильник)	Могила №	Костяк №	Лит-ный источник	Традиция погребений	Дата ¹⁴ C	Лаборатория
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Пономарево	10	-	-	Исаковская	4700±170	ГИН-4797
2	Усть-Ида I	4	-	Weber et al. 2006	-/-	4330±60	ТО-10358
3	Усть-Ида I	5	-	-/-	-/-	4690±170	ТО-10320
4	Усть-Ида I	6	-	-/-	-/-	4960±90	ТО-10312
5	Усть-Ида I	8	-	Weber et al. 2006;	-/-	4750±70	ТО-10356
6	Усть-Ида I	9	-	Weber et al. 2006	-/-	4500±100	ГИН-5355
7	Усть-Ида I	11	-	Weber et al. 2006;	-/-	4720±70	ТО-10337
8	Усть-Ида I	14	-	Weber et al. 2006;	-/-	4870±70 4640±100	ТО-10324 ГИН-5358
9	Усть-Ида I	15	-	Weber et al. 2006;	-/-	4750±70 4580±70	ТО-10302 ГИН-6818
10	Усть-Ида I	16	1	Weber et al. 2006	-/-	4710±60	ТО-10354
11	Усть-Ида I	16	1 (образец 1)	-/-	-/-	4710±70	ТО-10303
12	Усть-Ида I	16	2 (образец 1)	-	-/-	4530±130	ГИН-5758
13	Усть-Ида I	16	1 (образец 2)	-	-/-	5140±70	ГИН-5757
14	Усть-Ида I	16	2 (образец 2)	-	-/-	4500±40	ГИН-6832
15	Усть-Ида I	17	1	Weber et al. 2006	-/-	4930±90	ГИН-6833
						3630±70	ТО-10361

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
16	Усть-Ида I	17	1	-/-	-/-	5260±80	ТО-11526
17	Усть-Ида I	18	-	-/-	-/-	4690±70	ТО-10336
18	Усть-Ида I	20	1	Weber et al. 2006;	-/-	4540±60 4890±100	ТО-10350 ГИН-6295
19	Усть-Ида I	20	2	Weber et al. 2006	-/-	4840±70	ТО-10326
20	Усть-Ида I	21	1	-/-	-/-	4630±160	ТО-10342
21	Усть-Ида I	21	1	-/-	-/-	3700±50	ТО-10506
22	Усть-Ида I	21	2	-/-	-/-	4730±60	ТО-10353
23	Усть-Ида I	22	-	-/-	-/-	4880±60	ТО-10333
24	Усть-Ида I	23	-	-/-	-/-	4640±70	ТО-10334
25	Усть-Ида I	25	1	-/-	-/-	4560±60	ТО-10362
26	Усть-Ида I	25	2	-/-	-/-	4740±70	ТО-10322
27	Усть-Ида I	25	3	-/-	-/-	4930±70	ТО-10332
28	Усть-Ида I	26	1	Weber et al. 2006;	-/-	4740±70 5170±120	ТО-10328 ГИН-6290
29	Усть-Ида I	26	2	Weber et al. 2006	-/-	5030±150	ТО-10496
30	Усть-Ида I	26	2	-/-	-/-	4930±70	ТО-11524
31	Усть-Ида I	26	3	-/-	-/-	4480±60	ТО-10360
32	Усть-Ида I	26	4	-/-	-/-	4600±60	ТО-10316
33	Усть-Ида I	26	5	-/-	-/-	4700±90	ТО-10321
34	Усть-Ида I	30	-	Weber et al. 2006;	-/-	4860±110 4710±60	ТО-10314 ГИН-8006
35	Усть-Ида I	31	-	Weber et al. 2006;	-/-	4670±70 4700±50	ТО-10305 ГИН-8005
36	Усть-Ида I	32	-	Weber et al. 2006	-/-	4650±70	ТО-10330
37	Усть-Ида I	33	1	Weber et al. 2006;	-/-	4890±70 4790±50	ТО-10306 ГИН-6815
38	Усть-Ида I	33	2	Weber et al. 2006	-/-	4680±70	ТО-10335
39	Усть-Ида I	36	1	-/-	-/-	4630±60	ТО-10319

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
40	Усть-Ида I	36	2	-/-	-/-	3590±70	ТО-10343
41	Усть-Ида I	38	-	Weber et al. 2006; -	-/-	4730±60 4480±70	ТО-10357 ГИН-7110
42	Усть-Ида I	41	-	Weber et al. 2006; -	-/-	4790±70 4480±70	ТО-10307 ГИН-7111
43	Усть-Ида I	44	1	Weber et al. 2006	-/-	4590±70	ТО-10344
44	Усть-Ида I	44	2	-/-	-/-	4630±60	ТО-10318
45	Усть-Ида I	44	3	-/-	-/-	4890±70	ТО-10317
46	Усть-Ида I	52	-	-/-	-/-	4850±70	ТО-10341
47	Усть-Ида I	53	1	-/-	-/-	4790±100	ТО-10329
48	Усть-Ида I	53	2	-/-	-/-	4570±70	ТО-10323
49	Усть-Ида I	54	-	-/-	-/-	4710±70	ТО-10310
50	Усть-Ида I	55	1	-/-	-/-	4730±90	ТО-10331
51	Усть-Ида I	55	2	-/-	-/-	4580±60	ТО-10348
52	Усть-Ида I	56	1	-/-	-/-	4730±70	ТО-10327
53	Усть-Ида I	56	2	-/-	-/-	4920±60	ТО-10352
54	Братский камень	20	-	Мамонова, Сулержский, 1989	-/-	5320±160	ГИН-4044
55	Братский камень	21	-	-/-	-/-	5000±70	ГИН-4045
56	Семеново I	11	-	-/-	Серовская	4790±100	ГИН-4052
57	Семеново I	12	-	-/-	-/-	5100±50	ГИН-3879
58	Семеново II	1	-	-/-	-/-	5120±100	ГИН-3880
59	Н. Середкино	2	-	-/-	-/-	4600±100	ГИН-3885
60	Серово	10	-	-/-	-/-	4820±60	ГИН-3874

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
61	Серово	11	-	-/-	-/-	5170±180	ГИН-4467
62	Серово	12	-	-/-	-/-	4530±60	ГИН-3875
63	Серово	17	-	-	-/- (?)	4550±120	ГИН-4811
64	Усть-Илирский	1	-	-	-/-	4740±320	ГИН-6817
65	Никольский грот	2	1	Мамонова, Сулержицкий, 1989	Архаический тип	4940±70	ГИН-4371
66	Верхоленский	11	-	-/-	-/-	4650±50	ГИН-4445
67	Верхоленский	14	-	-/-	-/-	4390±80	ГИН-4444
68	Верхоленский	18	-	-	-/-	5260±160	ГИН-4807
69	Верхоленский	24	2	-	-/-	3920±70	ГИН-4806
70	Верхоленский	30	а	Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	5270±100	ГИН-4814
71	Верхоленский	30	б	-/-	-/-	3340±100	ГИН-4441
72	Верхоленский	30	в	-/-	-/-	4810±100	ГИН-4460
73	Верхоленский	32	б	-	-/-	4430±120	ГИН-4812
74	Верхоленский	37	-	-	-/-	4540±150	ГИН-4800
75	Коркино	1	2	Мамонова, Сулержицкий, 1989	-/-	5250±130	ГИН-4367
76	Закута	1	-	-	-/-	5120±120	ГИН-7531а
77	Сарминский Мыс	1	-	Горюнова, 1997	Позднесеровская	4330±40	ГИН-5837
78	Сарминский Мыс	8	-	-/-	-/-	3370±80	ГИН-5839
79	Сарминский Мыс	11	А	-/-	-/-	3300±150	ГИН-6842
80	Сарминский Мыс	11	Б	-/-	-/-	5500±400	ГИН-5599
81	Сарминский Мыс	11	Б (береста)	-/-	-/-	4430±40	ГИН-5598

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
82	Сарминский Мыс	19	уголь	-//-	-//-	4440±50	ГИН-5838
83	Сарминский Мыс	19	кость	-//-	-//-	4410±100	ГИН-5600
84	Сарминский Мыс	19	береста	-//-	-//-	5070±130	ГИН-5601
85	Сарминский Мыс	29	кость	-//-	-//-	5220±140	ГИН-6843
86	Сарминский Мыс	29	Обугл. Кость	-//-	-//-	3840±290	ГИН-5602
87	Сарминский Мыс	30	уголь	-//-	-//-	4420±40	ГИН-5603
88	Сарминский Мыс	30	береста	-//-	-//-	4400±40	ГИН-5604
89	Хужир-Нугэ VI	4		-//-	-//-	4470±40	ГИН-5607
90	Шракшур II	2	-	-//-	-//-	2900±300	ГИН-5606
91	Халуриинский Мыс	2	береста	-//-	-//-	4300±100	ГИН-4819
92	Халуриинский Мыс	2	дерево	-//-	-//-	3110±40	ГИН-4557
93	Елга III	5	-	-//-	-//-	4460±70	ГИН-6841
94	Харанса I			Мамонова, Сулержицкий, 1989	-//-	4860±40	ГИН-3873
95	Шаманский мыс (Ольхон)	1	уголь	Горюнова, 1997	-//-	4590±90	ГИН-1611
96	Шаманский мыс (Ольхон)	1	уголь	-//-	-//-	4415±40	СОАН-1547

прекратилась приблизительно 5800 л. н. (табл. 5). Хотелось бы отметить очень важную деталь – весь многообразный спектр современных естественнонаучных и антропологических исследований ранненеолитических могил, как показывают приведенные выше материалы, был сосредоточен на изучении китойской локальной группы (массива), точнее двух могильников, а результаты рассматриваются как общерегиональные.

Погребальные комплексы второго массива, как уже отмечалось выше, раскопаны – 1) в Приангарье, ниже устья р. Белой; 2) на верхней Лене – от истока реки до с. Подымахино; 3) в Приольхонье (западное побережье оз. Байкал); 4) на восточном побережье оз. Байкал, в дельте р. Селенги. Часть из них по отдельным признакам ритуала захоронений более соотносится с китойской традицией погребений, а часть содержит больше признаков, присущих погребальным комплексам позднего мезолита. Крупные некрополи в рассматриваемом массиве могил отсутствуют. Исходя из того, что эти погребальные комплексы обладают целым рядом отличий от китойских, можно предположить, что они относятся к автохтонному населению, у которого формирование погребальных традиций находилось на начальной стадии, о чем свидетельствуют различия в обряде захоронений на местонахождениях, находящихся иногда в пределах небольших регионов. Предположительно, развиваясь на протяжении всего периода раннего неолита на смежных территориях, южное миграционное и северо-западное автохтонное население, видимо, находилось в постоянном контакте, в результате чего возникло это своеобразное этнокультурное явление со смешанным, синкретическим характером сопроводительного инвентаря. Находившиеся на ранней стадии формирования в эпоху раннего неолита обряды второго массива могил, возможно, окончательно оформились в позднем неолите – прежде всего, в исаковской традиции погребений Приангарья и в архаической погребальной традиции верхней Лены. Степень палеоантропологической и естественнонаучной изученности материалов могил второго массива на порядок ниже степени исследованности погребений китойского анклава.

Погребальные комплексы позднего неолита

Новый этап распространения погребальных комплексов маркируется хронологическим периодом 5200–4500 л.н. (некалиброванный возраст ^{14}C) и характеризуется возникновением полностью отличного от предыдущего ритуала захоронений и погребального инвентаря. К настоящему времени по материалам могил этого периода получено 106 дат ^{14}C (табл. 5). Могилы позднего неолита исследуются в течение 75 лет. За этот период в долинах рек Ангары и верхней Лены, а также на побережье оз. Байкал вскрыта 191 могила, в которых находились захоронения 263 индивидуумов. По некоторым различиям в ритуале захоронений, номенклатурных наборах и морфологии предметов сопроводительного инвентаря могилы, датирующиеся хронологическим периодом 5200–4500 л.н., подразделяются на четыре группы, которые можно назвать региональными традициями погребений – исаковская и серовская в Приангарье, архаическая в долине верхней Лены и позднесеровская в Приольхонье (оз. Байкал).

Могильники и отдельные захоронения *исаковской традиции погребений* в Приангарье были открыты и исследованы в разные периоды XX века. Большинство погребальных комплексов раскопано А.П. Окладниковым в 1932–1936 и 1956–1957 гг.: вскрыты могилы №№ 8, 10–13, 16, 19, 22, 27, 3 (1956 г.) на могильнике Пономарёво, могилы №№ 5, 6, 8 Серовского могильника, две могилы могильника Исаково, могилы №№ 2, 3, 6, 12, 17, 19, 20 могильника Братский Камень (Окладников, 1950; 1974; 1975; 1976). Еще одна могила (№ 2) вскрыта на могильнике Шумилиха в 1973 г. (Горюнова, 2002, с. 12). В 1987–1996 гг. автором данной статьи был исследован наиболее крупный могильник исаковской традиции погребений – Усть-Ида I. На 20-метровой террасе правого берега р. Ангары, несколько ниже по течению устья р. Иды, раскопано 33 могилы (Bazaliiskii, 2003, р. 45–48). Таким образом, в

Приангарье на шести могильниках вскрыто 57 могил, содержащих останки 90 индивидуумов. Могильники Пономарево, Усть-Ида I и Исаково дислоцированы на правом берегу р. Ангары, а могильники Серовский, Братский Камень и Шумилиха (могила № 2) – на левом. Планиграфию погребальных комплексов, к сожалению, удалось проследить только на могильнике Усть-Ида I. На этом местонахождении большинство могил локализовано в ряды, простирающиеся по линии З–В (рис. 11). Все могилы перекрыты каменными кладками овальной в плане формы. Внутреннее пространство ям заполнено камнями. В заполнении большинства могил могильника Усть-Ида I отмечены зольники (использование в погребальном обряде огня). Погребённые в 97 % случаев находились в вытянутом положении на спине. Ориентировка головой на ЮВ, ЮЮВ (вверх по течению р. Ангары) прослеживается примерно в 70% могил. По количеству захоронений могилы подразделяются на индивидуальные – 41, парные – 10, групповые – 5. В парных и групповых могилах захоронения производились одновременно. В двух случаях отмечены двойные (разновременные) захоронения (могильник Усть-Ида I), в одной из них зафиксировано ярусное захоронение. Нужно отметить, что при более позднем подхоронении существующее погребение осталось непо потревоженным. Погребённые были разделены прослоем грунта. В другой могиле существующее захоронение молодой женщины было практически полностью разрушено (кости скелета сдвинуты к стенкам ямы) в процессе более позднего погребения мужчины примерно такого же возраста. Следует также отметить количественное преобладание в могилах исаковской традиции захоронений детей всех возрастов взросления (свыше 50%) над погребениями взрослых (захоронения детей были сосредоточены в большинстве групповых могил). Окраска охрой в рассматриваемых могилах, в отличие от ранне неолитических, прослеживается в виде локальных пятен. Признаки проявления вторичных погребальных практик отсутствуют.

Сопроводительный инвентарь в могилах исаковской традиции в номенклатурном отношении ограничен 20–25 категориями предметов. Изделия не локализованы в крупных скоплениях. Могилы, отличающиеся «богатством» инвентаря, немногочисленны и, например, в могильнике Усть-Ида I таковых было всего две. В ладони обеих рук каждого погребенного были вложены острые предметы – острия из грифельных костей лося, двухпазовые составные вкладышевые клинки, гарпуны и острия, вырезанные из трубчатых костей (рис. 12 – 1). В 70 % погребальных комплексов зафиксированы круглодонные керамические сосуды с технологическими отпечатками сетки-плетенки, украшенные круглыми вдавлениями вдоль венчика (рис. 12 – 4). Многие мужские захоронения и, видимо, некоторые захоронения мальчиков сопровождаются копьями с составными вкладышевыми клинками, которые располагаются справа или слева от черепа, и в отдельных случаях отмечены следы истлевших древков (рис. 12 – 1, 2). Массивные плоские остроконечники-бифасы из камня, широко распространенные в могилах серовской традиции, в рассматриваемых захоронениях практически не встречаются, за исключением трех небольших экземпляров, выявленных в двух могилах Пономарёвского могильника. Каменные, бифасиально обработанные наконечники стрел – бесчерешковые и черешковые, в основном, сосредоточены в области ног погребённых крупными скоплениями (вероятно, в могилы помещались в колчанах). Во многих захоронениях отмечены скопления предметов в области пояса, возможно, изначально располагавшихся в небольших сумках. Эти скопления включают массивные каменные ножи-бифасы подтреугольной в плане формы (рис. 12 – 5), составные вкладышевые ножи (однопазовые) с притупленным дистальным концом (рис. 12 – 3), шлифованные (пластинчатые) ножи из сланца и нефрита, роговые отжимники, костяные игольники с иглами и некоторые другие предметы. Шлифованные рубящие орудия из камня, представленные несколькими вариантами, как правило, располагаются в области корпуса или ног погребённого. Немногочисленные орудия рыболовства состоят в основном из роговых и костяных гарпунов и двух цельнорезных костяных крючков. Предметы мелкой пластики представлены антропоморфной костяной плоской скульптуркой человека (идол) и

двумя костяными антропоморфными изображениями-личинами (маскоиды). Украшения также немногочисленны и состоят из подвесок из клыков и резцов марала, овальных и прямоугольных подвесок из кости. Подвески из расщепленных и нерасщепленных клыков кабана зафиксированы только в трёх могилах.

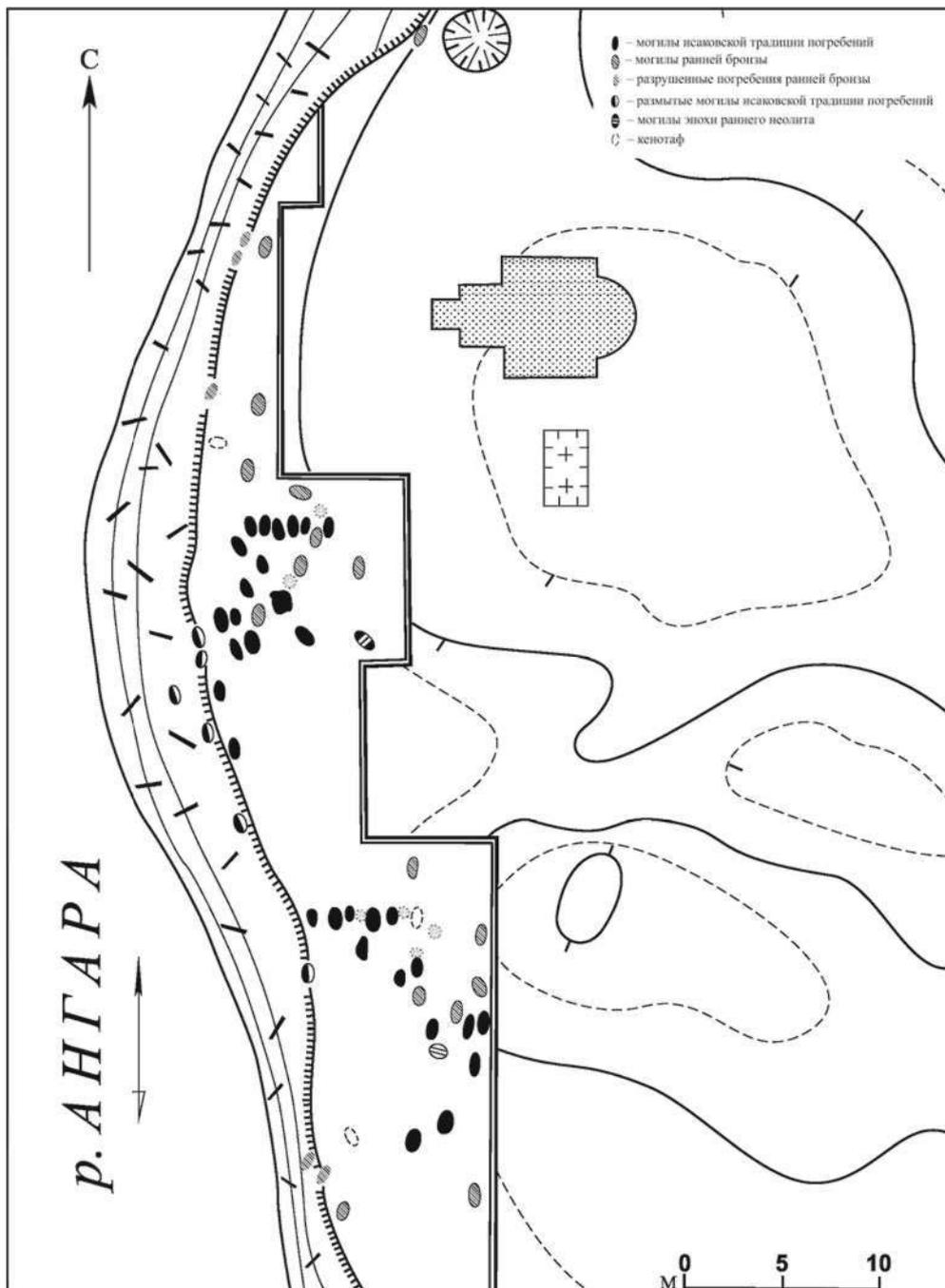

Рис. 11. Могильник Усть-Ида I. План
 Fig. 11. Ust'-Ida I cemetery. Plan

Следует отметить, что ритуал **исаковской** традиции погребений имеет довольно жёсткую и сформированную структуру. Отклонения от установленных норм незначительны. Номенклатурный набор сопроводительного инвентаря в могилах также довольно устойчив. «Богатые» и «бедные» захоронения (многочисленность предметов сопроводительного инвентаря) отмечены только в отдельных случаях.

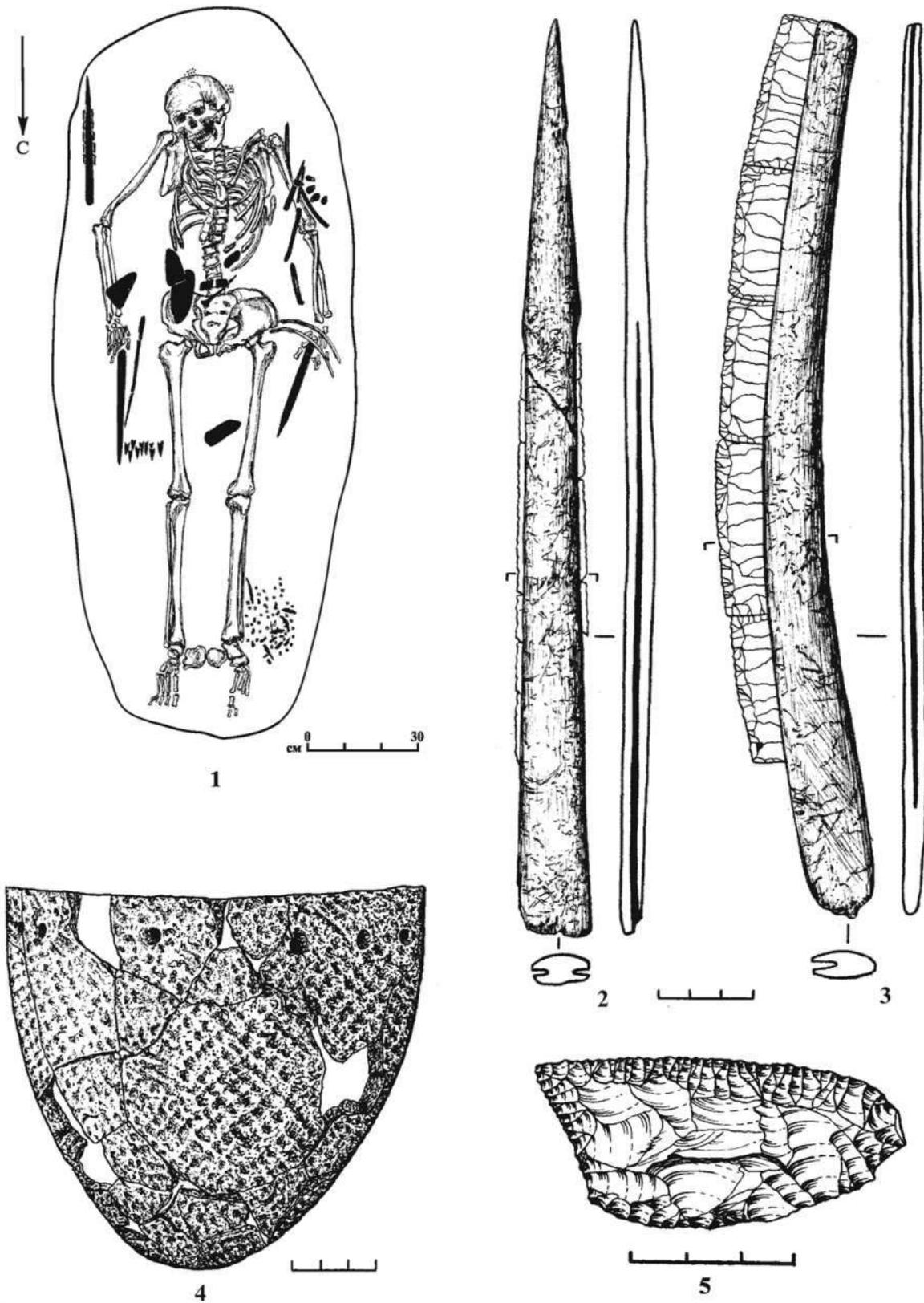

Рис. 12. Поздний неолит. Исаковская традиция погребений. Могильник Усть-Ида I
Fig. 12. Late Neolithic. Isakov's mortuary tradition. Ust'-Ida I cemetery

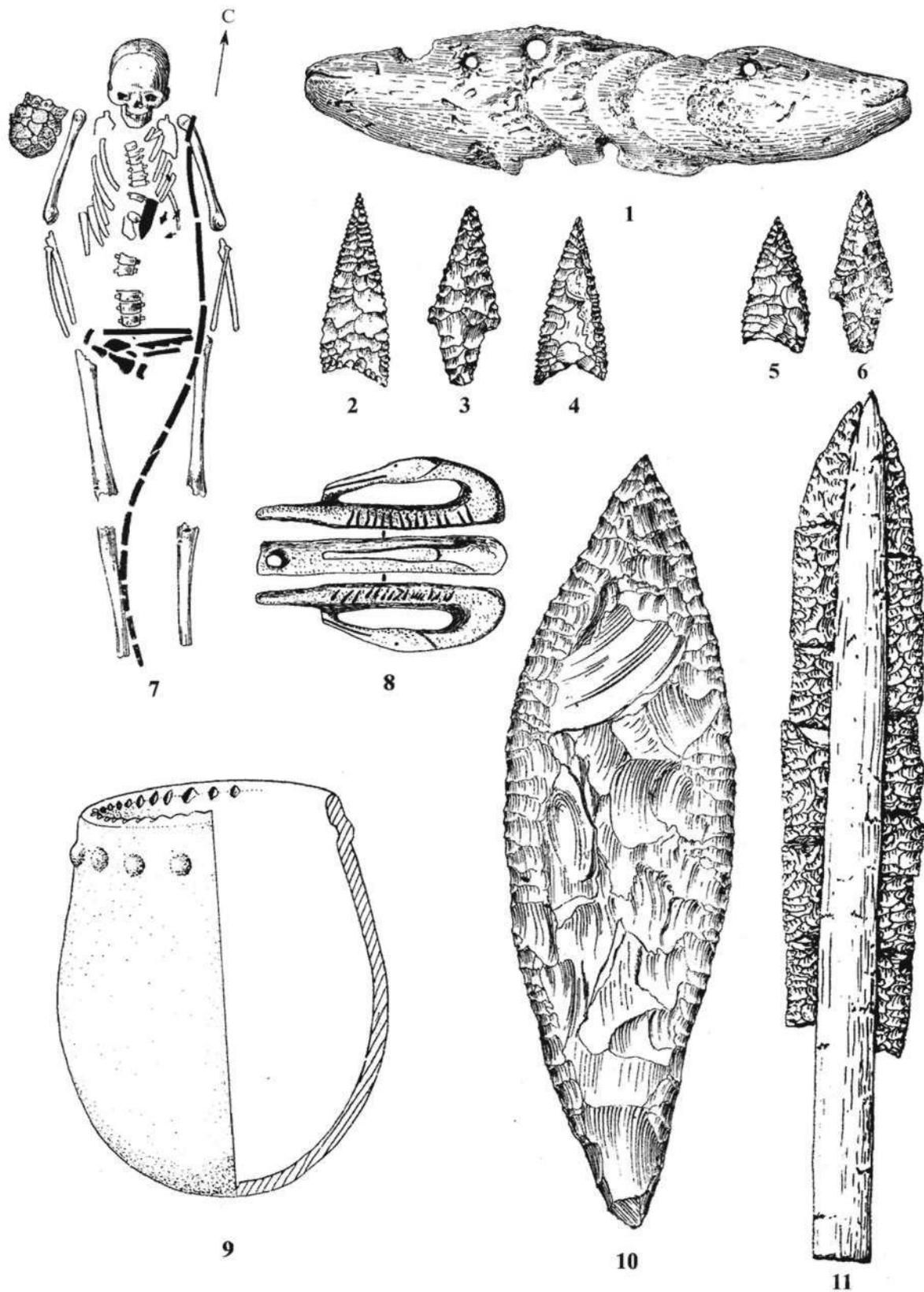

Рис. 13. Поздний неолит. Серовская традиция погребений
Fig. 13. Late Neolithic. Serovomortuary tradition

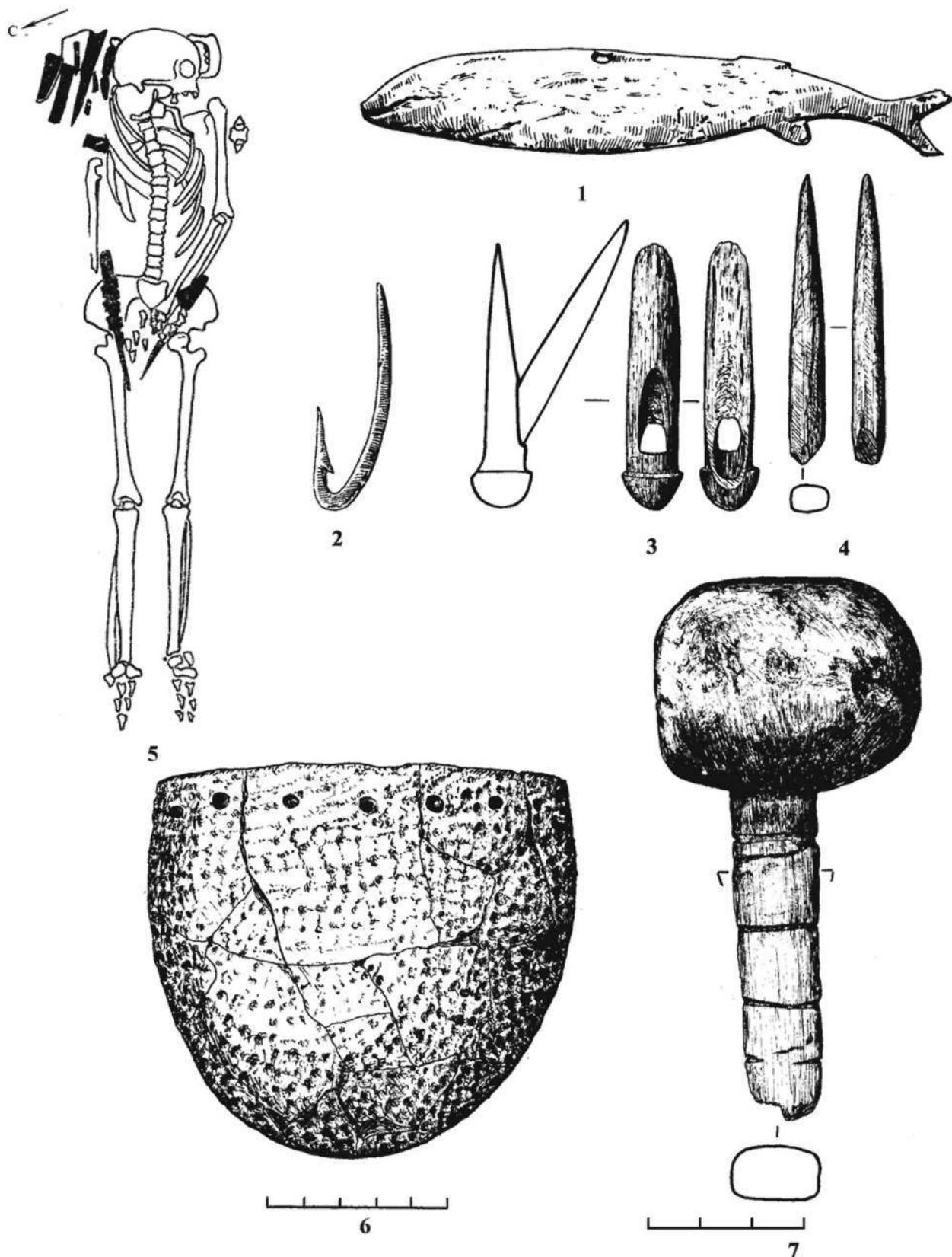

Рис. 14. Поздний неолит. Могилы архаической группы верхней Лены
Fig. 14. Late Neolithic. Graves of archaic group of Upper Lena

Погребальные комплексы *серовской традиции погребений* распространены в Приангарье от устья р. Иркут до устья р. Шаманки (ниже г. Братска по течению). Могилы исследованы в 1932–1936, 1956, 1957 и 1986 гг. А.П. Окладниковым (Окладников, 1950; 1974; 1975; 1976). Раскопаны на правом и левом берегах р. Ангары на 26 местонахождениях. Всего в Приангарье вскрыто 59 погребальных комплексов, в которых находились костные останки 63 индивидуумов. Наиболее крупные скопления могил отмечены в Серовском могильнике (7) и в Пономарёвском могильнике (6). На остальных 22 местонахождениях количество могил серовской традиции погребений варьируется в пределах от одной до четырёх. В Серовском и Пономарёвском могильниках, а также в могильнике Братский Камень они находятся вместе с могилами исаковской традиции погребений. Все погребальные комплексы сопровождаются надмогильными кладками. Могильные ямы заполнены камнями. В некоторых случаях плоскими плитами обложены стенки ям. Погребённые располагались вытянуто, на спине. Ориентированы перпендикулярно течению реки (ногами к реке). Абсолютное большинство могил представлено индивидуальными захоронениями. Парное погребение взрослого и ребенка отмечено в могиле № 2 Серовского могильника. Групповые погребения выявлены только в Пономарёвском могильнике (могила № 7) и на местонахождении Усть-Илир (отдельное тройное захоронение) (Дзюбас и др., 1996: 47–56). В парных и групповых могилах захоронения производились одновременно, погребённые были расположены на дне ямы, в одной (горизонтальной) плоскости. Значительный географический разброс, большое количество местонахождений и отсутствие крупных некрополей, возможно, свидетельствует о частой смене мест обитания (подвижном образе жизни), а также об отсутствии традиции создания крупных (родовых?) кладбищ у населения, оставившего серовские погребальные комплексы. В большинстве погребений присутствуют локальные окрашенные охрой пятна.

Сопроводительный инвентарь серовских могил Приангарья несколько богаче и разнообразнее исаковских. В его составе отмечено 30–35 категорий предметов из камня, кости и керамики. Сосуды, располагающиеся в области головы или ног погребённых, зафиксированы во всех могилах. В отличие от исаковских, серовские сосуды с заглаженным технологическим декором (оттиски сетки-плетенки) в большинстве имеют широкое шаровидное днище и сужающееся к горловине тулово. Украшены гребенчатым штампом, оттисками узкой лопаточки, круглыми вдавлениями вдоль венчика, штрих-пунктиром и т.д. (рис. 13 – 9). Роговые обкладки луков, располагавшиеся справа или слева от погребённых, находились, вероятно, в захоронениях мужчин и мальчиков (соотнесение половозрастных данных и луков проведено палеоантропологом Н.Н. Мамоновой) (рис. 13 – 7). Ещё одной категорией предметов, отличающей серовские погребения от остальных, являются массивные плоские каменные бифасиально обработанные остроконечники (наконечники копий?) (рис. 13 – 10). Остроконечники, как правило, находятся в скоплениях предметов. Составные вкладышевые двухпазовые клинки по морфологическим признакам также отличаются от исаковских. Они снабжены более крупными бифасиально обработанными сегментами каменных лезвий, и пазы костяных обойм завершаются в дистальной части в области жала (отсутствует не снабженное пазами острие) (рис. 13 – 11). В погребениях составные вкладышевые клинки дислоцируются в большинстве случаев в районе корпуса погребённого. Черешковые и бесчерешковые бифасиально обработанные наконечники стрел (рис. 13 – 2–6) довольно многочисленны, как правило, сосредоточены в области ног. Шлифованные рубящие орудия, выполненные из глинистого сланца и реже из зеленого нефрита, представлены, главным образом, прямоугольными и трапециевидными формами. Предметы рыболовства преимущественно состоят из немногочисленных костяных и роговых гарпунов и двух рыбок-приманок, одна из которых янусовидная (двухголовая) (рис. 13–1). Предметы мелкой пластики из кости включают комбинированную антропоморфную скульптуру, а также поделку в виде зооморфного существа из могилы № 12 (Серовский могильник). Кроме того, в могиле Усть-

Илир, по признакам ритуала захоронений не соответствующей серовской традиции погребений, обнаружены уникальные статуэтки птиц, характерные для Западной Сибири (рис. 13–8).

Как следует из всего сказанного, основные признаки ритуала захоронений серовских могил устойчиво повторяются на всех местонахождениях. Погребальные комплексы, сопровождающиеся «богатым» инвентарем, более многочисленным по сравнению с могилами исаковской традиции погребений.

Могилы *архаической группы* (наименование А.П. Окладникова) распространены в долине верхней Лены от устья р. Манзурка до устья р. Киренги (протяженность участка примерно 1000 км). К настоящему времени известно 9 местонахождений, включающих 35 погребальных комплексов, в которых зафиксированы костные останки 47 индивидуумов. В 1929 г. вскрыты отдельные могилы на местонахождениях Макарово и Шишкино, а в 1949–1951 гг. раскопан Верхоленский могильник (Окладников, 1950; 1955; 1978). Отдельные могилы на местонахождениях Поповский Луг и Усть-Тальма исследованы в 1974 и 1976 гг. (Зубков, 1982). Ярусные могилы из местонахождений Коркино и Никольский грот раскопаны в 1982 и 1986 гг. (Базалийский и др. 1996: 33–46). Могильник Закута автором данной статьи вскрыт в 1992 и 1994 гг. (не опубликован). Отдельная могила в устье р. Киренги раскопана в 1994 г. (Задонин и др., 1996: 102–104). Наибольшее количество могил сосредоточено в Верхоленском могильнике – 23, на остальных местонахождениях находилось от одной до четырех могил. В 33 могилах захоронения совершались в грунтовых ямах и в двух – в пространстве грота. Погребальные комплексы сопровождаются надмогильными кладками. Внутреннее пространство ям заполнено камнями. Труположение вытянутое на спине. Ориентированы перпендикулярно течению, ногами к реке. В совместных захоронениях из Никольского грота погребённые располагались по правилу антитезы. В 27 могилах зафиксированы индивидуальные захоронения, в двух – парные, в двух – двойное (ярусное одновременное захоронение мужчины и женщины), в одной – тройное (одновременное захоронение 3 индивидуумов, располагавшихся в одной плоскости) и в трех – ярусные одновременные захоронения трех и более индивидуумов. В ярусных двойных и групповых могилах захоронения производились путем последовательного подхоронения. Во многих могилах погребённые перекрыты берестой. Кроме того, в большинстве погребальных комплексов отмечены зольники и обожжённые человеческие кости. Охра, как и в позднелитических погребальных комплексах Приангарья, присутствует в виде локальных пятен, дислоцировавшихся на уровне захоронений.

В составе сопроводительного инвентаря архаической группы могил верхней Лены отсутствуют роговые обкладки сложного лука. В области костей кисти всегда располагаются острые предметы (разнообразные острия из кости и составные вкладышевые двухпазовые клинки) (рис. 14–5). Керамические сосуды, типологически более близкие к сосудам исаковской традиции погребений, отмечены примерно в 50% могил (рис. 14–6). Категории предметов погребального инвентаря, относящегося к рыболовству, более многочисленны и разнообразны, чем в позднелитических могилах Приангарья. Эти категории представлены гарпунами, составными костяными рыболовными крючками (рис. 14–3,4), цельнорезными крючками из кости (рис. 14–2) и рыбками-приманками из камня и кости (отличаются реалистичным изображением рыб) (рис. 14–1). Шлифованные рубящие орудия из глинистого сланца и зелёного нефрита и составные вкладышевые ножи по типологическим характеристикам аналогичны орудиям исаковской традиции погребений. Роговые молотки (рис. 14 – 7) отмечены пока только в могилах архаической группы.

Погребальные комплексы архаической группы могил, дислоцирующиеся в долине верхней Лены, содержат признаки серовской (в меньшей степени) и исаковской (в большей степени) традиций погребений Приангарья, и отдельные признаки синхронных могил Приольхонья, но вместе с тем обладают рядом своеобразных черт, не прослеживающихся в других регионах.

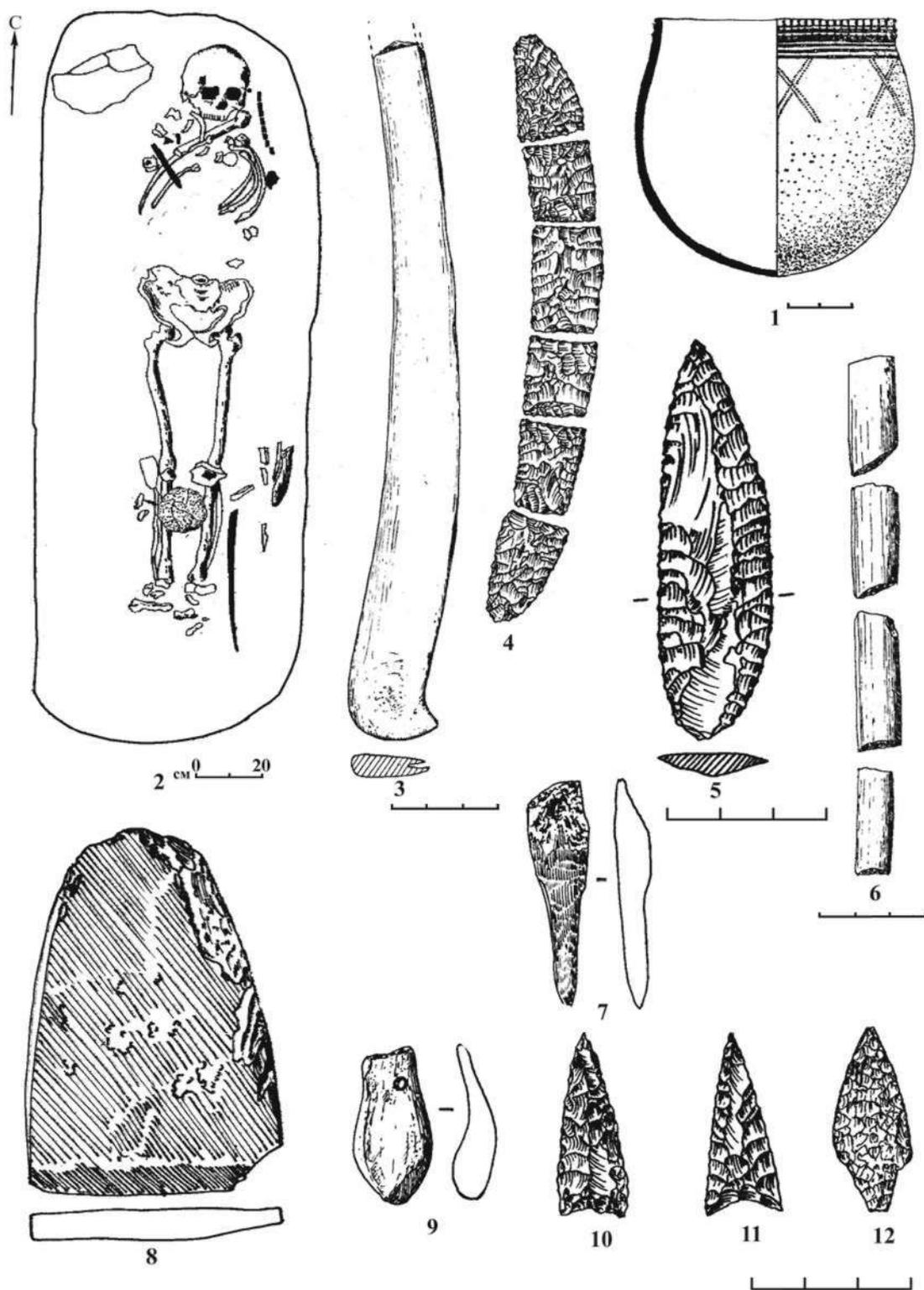

Рис. 15. Поздний неолит. Приольхонская, (позднесеровская) традиция погребений
 Fig. 15. Late Neolithic. Priolkhon (late Serovo) mortuary tradition

Поздненеолитические погребальные комплексы Приольхонья (в литературе известны под наименованием «позднесеровские») сосредоточены на 11 местонахождениях западного побережья оз. Байкал и о. Ольхон (район Малого Моря). Наиболее крупным могильником является Сарминский мыс (исследован О.И. Горюновой в 1986–1987 гг.), на котором вскрыто 15 погребальных комплексов, в которых находились костные останки 29 индивидуумов (Горюнова, 1997). Первые 6 поздненеолитических погребений в Приольхонье были раскопаны в процессе работы Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством М.П. Грязнова на могильниках Улярба III – 5 могил и Елга – 1 могила (Грязнов, Максименков, 1992: 8, 9; Качалова, Черников, 1992: 82, 83). Северо-Азиатской экспедицией ИИФФ СО АН СССР под руководством А.П.Окладникова в процессе исследований разновременного могильника Шаманский Мыс (о. Ольхон) раскопаны могилы № 3 (1975 г.) и № 1 (1976 г.), относящиеся к позднему неолиту (Конопацкий, 1982: 49–54). Еще две поздненеолитические могилы были вскрыты в 1977, 1978 гг. при раскопках средневекового могильника Харанса I (о. Ольхон) Ольхонским отрядом КАЭ ИГУ под руководством В.В. Свинина (Базалийский, Свинин, 1978; Базалийский, 1979). В 1986 г. в процессе исследований средневекового могильника на мысе Будун (о. Ольхон) экспедицией Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР под руководством Б.Б. Дашибалова раскопаны две могилы эпохи позднего неолита (Горюнова, 1997). Наибольшее количество погребальных комплексов рассматриваемого периода в Приольхонье обнаружены и раскопаны Маломорским отрядом КАЭ ИГУ под руководством О.И. Горюновой. В 1984–1988 и 2005 гг. исследованы могильники Сарминский мыс (№№ 1, 6, 8, 11А, 11В, 17, 19–20, 22–24, 29–31), Елга III (№№ 1–5), Хужир-Нугэ VI (№№ 1–4, 6, 7), Шракшура II (№ 2), Халуриинский Мыс (№ 2) (Горюнова, 1997). Всего на отмеченных 11 местонахождениях вскрыто 41 погребальных комплексов, в которых находились костные останки 63 индивидуумов.

Могилы сопровождаются надмогильными, в плане кольцевой формы, кладками. Внутреннее пространство ям заполнено камнями. Труположение вытянутое на спине. Головами погребённые в абсолютном большинстве случаев ориентированы на С–СЗ (рис. 15 – 2) (исключение составляют четыре могилы, в которых погребённые ориентированы на ССВ). В заполнении большинства могильных ям (за исключением четырех погребальных комплексов) отмечены зольники. В 9 могилах зафиксировано частичное трупосожжение (Горюнова, 1997: 82). Большинство погребений были перекрыты берестой. По количеству погребённых в одной могильной яме выделяются индивидуальные захоронения – 23, двойные (парные?) – 4 и коллективные – 7 (Горюнова, 1997: 83, 84; Базалийский, Свинин, 1978; Базалийский, 1979). В большинстве случаев в двойных и групповых могилах отмечено ярусное расположение погребённых. Согласно наблюдениям О.И. Горюновой, захоронения в двойных и групповых могилах совершались одновременно. Детские захоронения составляют 31% от общего количества погребений (Горюнова, 1997: 86). В трех могилах зафиксированы локальные пятна охры и в двух (могильник Харанса I, раскопки 1977–1978 гг.) днища ям, костные человеческие останки и скопления сопроводительного инвентаря были полностью окрашены охрой. Сохранность антропологического материала на некоторых местонахождениях очень плохая.

Сопроводительный инвентарь небольшими скоплениями или отдельными предметами располагался в области головы, таза и в ногах погребённых. В 19 могилах зафиксирован 31 круглодонный керамический сосуд (рис. 15–1), из которых 26 гладкостенные, четыре – с оттисками сетки-плетенки и один – со штриховыми оттисками. Сосуды украшены оттисками штампа и ямок вдоль венчика. Костяные обкладки лука (рис. 15–6) отмечены в трёх могилах – Сарминский Мыс № 17, Хужир-Нугэ VI № 4, Шаманский Мыс № 1 (1976 г.) (Горюнова, 1997: 84, 85). Изделия из камня представлены: наконечниками стрел (рис. 15 – 10, 11, 12), шлифованными рубящими орудиями (рис. 15. 8) и пластинчатыми ножами из зелёного нефрита и сланца, скребками, отбойниками, наконечником дротика (рис. 15–5), проколкой

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

из нефрита (рис. 15–7), зооморфной скульптурой малых форм и др. Изделия из кости состоят из острий, роговых рубящих орудий, отжимников из рога, игольников с иглами, подвесок из клыков марала (рис. 15–9), одной подвески из расщепленного клыка кабана. Цельнорезный рыболовный крючок из кости в единственном экземпляре зафиксирован в могиле, раскопанной в 1978 г. на могильнике Харанса I. Следует также обратить внимание на незначительное количество гарпунов. Составные вкладышевые изделия из камня и кости представлены ножами однопазовыми ножами и двухпазовыми клинками (рис. 10 – 3,4).

Погребальные комплексы позднего неолита Приольхонья характеризуются, прежде всего, кольцевыми надмогильными каменными кладками, перекрытием погребенных берестой, присутствием в могильных ямах зольников (использование в обрядовых действиях огня), ярусным расположением погребенных, захороненных одновременно в двойных и коллективных могилах, малым количеством могил, содержащих охру, очень незначительным количеством предметов, относящихся к рыболовству. По некоторым категориям сопроводительного инвентаря – керамическим сосудам, обкладкам луков – поздненеолитические погребальные комплексы Приольхонья сближаются с могилами серовской традиции погребений Приангарья. Но по признакам ритуала захоронений – перекрытие погребенных берестой, ярусное расположение умерших в двойных и групповых могилах – эти комплексы соотносятся с архаическими могилами верхней Лены.

В отличие от могил раннего неолита, в поздненеолитических захоронениях рыболовный инвентарь ограничен очень небольшим количеством предметов, но довольно представлен набор охотничьих изделий, свидетельствующий о преобладании охоты в хозяйственной деятельности населения. В большинстве могильников погребальные комплексы исаковской и серовской традиции погребений Приангарья соседствуют (кроме могильника Усть-Ида I), из чего можно сделать предположение о совместной хозяйственной деятельности населения этих двух обрядовых групп. Могилы архаического типа верхней Лены (по самому крупному могильнику этой группы удобнее было бы именовать *верхоленской традицией погребений*) по ряду обрядовых позиций отличаются от синхронных ангарских групп. По краниометрическим показателям население позднего неолита верхней Лены ближе к населению исаковской погребальной традиции Приангарья (Н.Н. Мамонова, устное сообщение). Также хотелось бы подчеркнуть довольно жесткую структуру ритуала захоронений и перечня категорий погребального инвентаря могил позднего неолита, не допускающую значительных отклонений от принятых норм, что свидетельствует о сформировавшихся погребальных традициях.

Погребальный обряд позднего неолита прекращается в хронологический период 4600–4200 л.н. Признаки его трансформации отсутствуют. Практика традиций погребений позднего неолита сменяется погребальными обрядами ранней бронзы, характеризующимися сидячим, скорченным и вытянутым трупомещением, иными надмогильными и внутримогильными конструкциями, другой ориентировкой погребенных и новыми категориями погребального инвентаря, включающего изделия из белого нефрита, предметы из бронзы и т.д.

Заключение

Таким образом, рассмотренные выше традиции погребений соответствуют, согласно датам ¹⁴C (некалиброванный возраст), следующим хронологическим периодам.

I. Поздний мезолит (8000–7600 л.н.) – хиньская традиция погребений.

II. Финальный мезолит (7400–7100 л.н.) – шукинская хронологическая группа.

III. Ранний неолит (7000–6000 л.н.): 1) китойская, возможно, мигрантная традиция погребений; 2) локальные ранненеолитические традиции погребений, возможно, автохтонного населения Байкальской Сибири.

IV. Поздний неолит (5200–4500 л.н.) – серовская, исаковская традиции погребений Приангарья; архаическая (верхоленская?) традиция погребений верхней Лены; позднесеровская традиция погребений Приольхонья.

Традиции погребений позднего мезолита представлены незначительным количеством фактического материала и радиоуглеродных дат, что определяет их слабую пространственную и хронологическую атрибуцию. Более поздние, ранненеолитические традиции погребений обеспечены солидной серийной базой археологических и палеоантропологических материалов, а также датировок ^{14}C , и это позволяет производить исследования самого широкого спектра.

Согласно представленному каталогу радиоуглеродных дат (табл. 5), между традициями погребений раннего и позднего неолита имеется хронологический разрыв (хиатус), составляющий примерно 600–800 лет (6000–5200 л.н.), который свидетельствует об отсутствии на территории Байкальской Сибири могил, относящихся к среднему или развитому неолиту. Канадские исследователи в настоящее время с разных позиций (окружающая среда, природные катаклизмы, питание, здоровье, стрессы, демография и т.д.) пытаются решить эту проблему, но пока безрезультатно. На мой взгляд, не следует рассматривать хиатус как полное отсутствие на рассматриваемой территории населения. Некоторые признаки погребальных традиций раннего неолита (могилы II массива) присутствуют в традициях позднего неолита: прежде всего, использование в конструировании могил камня, перекрытие погребённых берестой. Кроме того, сосуды с оттисками сетки-плетенки в инвентаре исаковских и архаических погребений аналогичны ранненеолитическим.

Погребальные традиции позднего неолита прекращаются, как уже отмечалось выше, в хронологический период 4600–4200 л.н. (некалиброванный возраст). В эпоху ранней бронзы на территории Байкальской Сибири, как и в китойской традиции погребений раннего неолита, появляются крупные некрополи, «богатые» и «бедные» захоронения, отсутствуют керамические сосуды и т.д. Вытянутое на спине труположение, обычное для позднего неолита, в раннем периоде эпохи бронзы не доминирует. В этот период, особенно в Приангарье, наблюдается преобладание «сидячего» и скорченного на боку положения погребенных. Определенные параллели между эпохами раннего неолита и ранней бронзы наблюдаются и в проявлении вторичных погребальных практик, выражающиеся в изъятии черепа из повторно вскрытой могилы. Трудно объяснить сходству значительного количества категорий сопроводительного инвентаря «китойцев» и «глазковцев» значительное место отведено в монографиях А.П. Окладникова, посвященных неолиту и ранней бронзе Прибайкалья (МИА № 18; МИА № 43). По мере увеличения фактического материала параллели такого сродства – в украшениях, в рыболовном, охотничьем и бытовом инвентаре, в заготовках, в некоторых предметах мелкой пластики – только усиливаются. Сопроводительный инвентарь могил ранней бронзы как бы повторяет инвентарь китойской традиции погребений, но на более высоком уровне – кальцитовые кольца и кольца из белого нефрита, составные рыболовные крючки китойского типа и составные рыболовные крючки глазковского типа (компоненты крючков из одних и тех же материалов, только глазковский снабжен отверстием) и т.д. Но в то же время материалы палеоантропологических и палеогенетических изысканий не подтверждают сродства между китойской традицией погребений и могилами ранней бронзы. Проблема этой парадоксальной ситуации ждет своего разрешения в будущих исследованиях.

Литература

Аксенов М.П. Погребение «хиньского» типа на Верхней Лене (Рытвинка I) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. С. 6–14

Асеев И.В. Юго-восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 206 с.

Базалийский В.И. Новое неолитическое погребение на острове Ольхон в бухте Булук // Отчетн. Науч.-теорет. конф. Археология. Этнография. Источниковедение: тез.докл. Иркутск: изд-во ИГУ, 1979. С. 33–35

Базалийский В.И. Неолитические культуры Ангары в свете новых исследований // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: Тез. докл. Иркутск, 1987. С. 56–58

Базалийский В.И., Вебер А.В. Раскопки погребальных комплексов эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. Сессии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI, ч.1 С. 16–21.

Базалийский В.И., Задонин О.В. Новое неолитическое захоронение на верхней Лене // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 28–32

Базалийский В.И., Инешин А.В. Могильник Турука на верхней Лене // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995.

Базалийский В.И., Меньшагин Е.В., Лыхин Ю.П. Неолитические захоронения в скальных нишах в устье ручья Никольский на верхней Лене // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 33–46

Базалийский В.И., Свинин В.В. Новое неолитическое погребение на Байкале (о. Ольхон) // Археология и этнография Восточной Сибири: Тез.докл. Иркутск: изд-во ИГУ, 1978. С. 38–39

Бортвин Н.Н. Из области древней сибирской керамики // Зап. Отд. рус. археолог. общ-ва. 1915. С. 3–18.

Вебер А.В., Горюнова О.И. Хронология могильника Курма XI (оз. Байкал) по археологическим и радиоуглеродным датам // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 186–190.

Вебер А.В., Линк Д.В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 135–146.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Ниж.Джиллинда (Сивакон-1) в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 98–113.

Ветров В.М., Бердникова Н.Е., Алтухов В.В., Фролов А.В. Макрушинский могильник. Ранненеолитический комплекс // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С.112–132.

Витковский Н.И. Краткий отчет о раскопках могилы каменного периода в Иркутской губернии // Изв. / ВСОРГО. Иркутск, 1881. Т.11, № 3–4.

Витковский Н.И. Отчет о раскопке могилы каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. // Изв. / ВСОРГО, Иркутск, 1882. Т.13, № 1–2.

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М., 1955. 585 с.

Герасимов М.М., Черных Е.М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 23–48

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII археолог. съезда. М., 1907. 152 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 109 с.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 84 с.

Дебеч Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. / Асс. науч.-исслед. ин-тов при физ.-мат. фак-те МГУ. 1930. Т. 3. № 2а. С. 151–169.

Дзюбас С.А., Абдулов Т.А., Друлис М.В. Погребение с зооморфными изображениями из Усть-Илирского могильника // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 47–56

Древности Байкала: Сб. науч. ст. / Изд-во ИГУ; Отв. ред. В.М. Масон. Иркутск, 1992. 252 с., илл.

Задони О.В., Дзюбас С.А., Луныков А.В. Неолитическое погребение на Верхней Лене в г. Киренске // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Иркутск, 1996. С. 102–104

Зубков В.С. Неолит и бронзовый век верхней Лены (история исследования и проблемы изучения) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 15–45.

Зубков В.С. Неолит и ранний бронзовый век верхней Лены: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 17 с.

Казанцев А.И., Хороших П.П. Неолитические погребения в районе Ангарской гидроэлектростанции // Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1958. С. 43–50.

Конев В.П. Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Иркутск, 1996. С. 114–116

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Константинов Г.М. К материалам по изучению ангарского неолита // Изв. / ВСОРГО. 1928. Т. 54. С. 83–94.

Кузьмина И.Е. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Материалы по фауне антропогена СССР. Труды ЗИН АН СССР. Л., 1971. Т. 49. С. 44–122

Лежненко И.Л. Предварительные итоги исследований многослойного археологического объекта «Новый ангарский мост» в зоне строительства мостового перехода через р. Ангару в г. Иркутске // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология и антропология: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. Т. 1. С. 364–372

Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18–28.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы: Тез. докл. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. С. 15–20.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–32.

Медведев Г.И. Мезолитические погребения Верхнего Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1971. ч. I. С. 99–103.

Овчинников М.П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Изв. / ВСОРГО. 1904. Т. XXXV, № 3. С. 62–76.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. I и II. 411 с. (МИА. № 18).

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974. 317 с.

- Окладников А.П.** Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975. 318 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976. 327 с.
- Окладников А.П.** Верхоленинский могильник. Новосибирск: Наука, 1978. 287с.
- Окладников А.П., Конопацкий А.К.** Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре (по материалам раскопок 1977 г.) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: 1984. С. 18–35
- Подгорбунский В.И.** Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска, летом 1924 года // Изв. / ВСОРГО. 1928. Т. 54. С. 95–102.
- Савельев Н.А.** Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
- Савельев Н.А., Медведев Г.И.** Ранний керамический комплекс поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 56–64.
- Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В.** Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные // Современные проблемы евразийского палеолитоведения: Мат-лы докл. междунаро. симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 338–352.
- Свинин В.В.** Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. / ВСОРГО. 1976. Т. 69. С. 167–179.
- Сосновский Г.П.** Остатки доисторического прошлого у с. Распутино на Ангаре. Иркутск, 1924. 6 с.
- Столяр А.Д.** Архив археологических свидетельств генезиса первобытного сознания // Структурно-семантические исследования в археологии. Т.3./ Гл. ред. Евлевский А.В. Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т. Т.3. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 129–141
- Туркин Г.В., Харинский А.В.** Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита-бронзового века на Южном Байкале // Известия лаборатории древних технологий, 2004, вып. 2, с. 124–158
- Тютрин А.А., Базалийский В.И.** Могильник в устье р. Иды в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Иркутск, 1996. Ч. I. С. 85–90.
- Тиваненко А.В.** Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // Краеведенье Бурятии. Улан-Удэ, 1979. С. 181–188.
- Хлобыстин Л.П.** Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 93–99.
- Хлобыстин Л.П.** Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам Б.Э. Петри) // КСИА – 1964. Вып. 97. – С. 25-32.
- Хороших П.П.** Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г.Иркутске // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С.84–93.
- Хороших П.П.** Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Изв./ СО АН СССР. 1979. Вып. 2 № 6. С. 83–88
- Чернецов В.А.** Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ОИН в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. С. 10–17.
- Bazaliiskii V.I.** The Neolithic of the Baikal Region on the Basis of Mortuary Materials // Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia. Edmonton: Canadian Circumpolar Institute Press, 2003. P. 37–50.
- Bazaliiskij V.I., Saveljev N.A.** 2003. The Wolf of Baikal: the «Lokomotiv» Early Neolithic Cemetery in Siberia (Russia) // Antiquity, 2003. Vol. 77, No 295. P. 20–30.

Katzenberg M. A., Weber A. W. Stable isotope ecology and paleodiet in the Lake Baikal Region of Siberia // *Journal of Archaeological Science*. 1999. Vol. 26 № 6. P. 651-659.

Lieverse A.R., Weber A. W., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Osteoarthritis in Siberia's Cis-Baikal: Skeletal indicators of hunter-gatherer adaptation and cultural change // *American journal of physical anthropology*. 2007. Vol. № 132. P. 1-16.

Mooder K.P., Schurr T.G., Bamford T.H., Bazaliiskii V.I., Savel'ev N.A. Population Affinities of Neolithic Siberians: A Snapshot From Prehistoric Lake Baikal // *American journal of physical anthropology*. 2006. Vol. № 129. P. 349-361

Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian // *Radiocarbon*. 2006. Vol. 48. - № 1. P. 127-166.

Weber A. W., Link D.W., Katzenberg, M. A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the Middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2002. Vol. 21. P. 230-299.

Summary

This article is devoted to mortuary traditions of Late Mesolithic and Neolithic in the Baikal region of Siberia. Khin'skaya mortuary tradition is considered to be the oldest one in Late Mesolithic period, dating back to 8 000 - 7 600 BP (uncalibrated age). The tradition consists of 5 burials, 4 of them had been discovered in the Angara valley and 1 - in the Upper Lena valley. Later period is characterized by small cemeteries and single burials, discovered in upper reaches of the Angara and in the Vitim valley, relating to Shchukino chronological group. These mortuary complexes cannot be easily coincided with the earlier burials of the Khin'skaya mortuary tradition. They also have a number of distinctions as compared with later Early Neolithic burials. They are ranged in such a chronological position that cannot be considered Early Neolithic is represented by large cemeteries concentrated in the Southern Pribaikal'ye and also by small mortuary complexes and single burials located in the valleys of the Angara and the Lena and in the region of Priol'khon'ye. There are neither Mesolithic nor Neolithic. Early Neolithic is represented by large cemeteries concentrated in the Southern Pribaikal'ye and also by small mortuary complexes and single burials located in the valleys of the Angara and the Lena and in the region of Priol'khon'ye. The chronologic period of 7 000 - 6 000 BP (uncalibrated age) is characterized by the Kitoy mortuary tradition: 233 graves in which skeletons of 363 individuals had been registered and also by regional mortuary traditions relating in total to 53 graves. Hiatus between the burials of Early and Late Neolithic is confined within a chronological period of 5800 - 5200 BP (radiocarbon dating). Serovo and Isakovo mortuary traditions are registered in the Angara valley, then an archaic type of burials in the Upper Lena valley and Late Serovo mortuary tradition in the Priol'khon'ye (lake Baikal). Results of a study of materials on mortuary practices testify to an intermittence of development in a latest period of the Stone Age in the Baikal Siberia region.